

Действующие лица:

Павлик

Егор

Юрьич

Оля

Анатолий

Молодой Олег

Старый Олег

Петя

Двухлетняя девочка

Мама

Папа

Семейство кошачьих

Сцена 1

Егор перед кем-то сидит. Держит в руках красивых пистолет.

ГОЛОС ЮРЬИЧА. Ты работы много сделал. Не сказать, что ты прямо друг семьи и мой друг. Но ты работы много сделал. Теперь один такой у меня. Второй такой у тебя.

ЕГОР. Опыт подсказывает, что, чем привлекательнее для глаза оружие, тем оно хуже работает. Оно подводит. Клин, осечки.

ГОЛОС ЮРЬИЧА. Ну и хорошо. Это же привносит элемент неожиданности.

ЕГОР. Да, согласен. Я тоже люблю элемент неожиданности.

Сцена 2

Ночью Павлик идет по парку в тумане. Проходит мимо 500-рублевой купюры, затем возвращается к ней. Берет. Рассматривает. Оглядывается по сторонам. Уходит
Павлик идет по улице. Пока почти лицом к лицу не сталкивается с Егором.

ЕГОР. Пятихатку не видел?

ПАВЛИК. Я?

ЕГОР. Это ты переспрашиваешь так? Тут же нет никого. Зачем переспрашиваешь?

ПАВЛИК. Я немного удивлен.

ЕГОР. Чему удивлен? Тому, что я вычислил, что ты видел мою пятихатку?

ПАВЛИК. Вопросу удивлен.

ЕГОР. Нормальный вопрос такой. Чему удивляться?

ПАВЛИК. Ко мне первый раз в жизни подошли ночью и спросили не видел ли я пятихатку. Еще и татарин.

ЕГОР. Ты что-то имеешь против того, что я татарин?

ПАВЛИК. Да ничего я не имею против того, что ты татарин.

ЕГОР. Тогда к чему такие уточнения: в первый раз подошли, еще и татарин? Можно же было просто обойтись тем, что в первый раз в жизни подошли.

ПАВЛИК. Подошли-то не первый раз в жизни. А вот ночью в первый раз.

ЕГОР. Кончай, ты меня уже запутал!.. Я знаю, что ты видел мою пятихатку!

ПАВЛИК. С чего это ты взял?

ЕГОР. С того, что кроме тебя ее никто не мог увидеть. Тут вообще никого нет кроме тебя. И вид у тебя такой. Он сам за себя говорит.

ПАВЛИК. Это какой у меня такой вид?

ЕГОР. Такой вид, который говорит, что у тебя в кармане потяжелело на пятихатку.

ПАВЛИК. Нет у меня никакой пятихатки.

ЕГОР. Хочешь сказать, вообще никакой?

ПАВЛИК. Как никакой? Конечно, есть какая-то. Но не твоя... Я вообще не обязан тебе отвечать.

ЕГОР. Не обязан, но отвечаешь. Опасное затеял ты дело.

ПАВЛИК. Какое еще опасное дело? Я с работы иду. Я домой хочу. Спать.

ЕГОР. Правильно, с пятихаткой своей идешь. Спать, наверное, будешь счастливо. Сама мысль о том, что ты просто шел, как обычно, со своей работы. И наверное, не самой лучшей, раз ты в час ночи идешь, и вдруг нашел пятихатку. Бам, ни с того ни с сего. Она же сразу тебя пригвоздит к кровати. Меня бы пригвоздила. Эта счастливая мысль о найденной пятихатке.

ПАВЛИК. Я буду нормально спать, как обычно. Потому, что я устал, как обычно.

ЕГОР. Пятихатку, сука, верни.

ПАВЛИК. Не верну

ЕГОР. Что?

ПАВЛИК. Что слышал.

ЕГОР. Значит, так заговорил, да?

ПАВЛИК. Ты меня сукой назвал!

ЕГОР. А как тебя еще называть? У тебя же в кармане моя пятихатка.

ПАВЛИК. Да, у меня в кармане лежит какая-то пятихатку. И да, я нашел, пятихатку. Но откуда мы узнаем, что это именно твоя пятихатка, а не чья-то еще?

ЕГОР. Я единственный кто за последнее время здесь потерял пятихатку.

ПАВЛИК. Это кто-то сможет подтвердить?

ЕГОР. Ты издеваешься?

ПАВЛИК. Я, с чего издеваюсь-то? Из нас двоих ты взял на себя эту ношу — издеваться.

ЕГОР. С того ты издеваешься, что ЭТО безлюдное место. И тут никто не сможет подтвердить, что пятихатка моя. Потому что, здесь нет людей!

ПАВЛИК. Ну тогда все очевидно.

ЕГОР. И что же очевидно?

ПАВЛИК. Что я тебе не отдам пятихатку, вот, что очевидно.

ЕГОР. Охренел, сука!

ПАВЛИК. Сам ты - сука!

ЕГОР. Вот так, теперь ты еще меня и сукой называешь?

ПАВЛИК. Тебе, случайно, никто не говорил, что ты на психопата похож?

ЕГОР. Я еще и на психопата похож? Мало того, что ты обвинил меня в том, что я какой-то кривой татарин, который по ночам подходит к людям из-за пятихатки, когда остальные татары на это плюют, так я теперь и на психопата похож из-за того, что я подошел к тебе и честно в лицо сказал, что ты спер мою пятихатку?

ПАВЛИК. Да я не спер. Она валялась.

ЕГОР. Валялась, спер. Как разница? Результат-то один. У тебя, сука, потяжелело в кармане на мою пятихатку.

ПАВЛИК. Ладно, допустим. У меня в кармане действительно твоя пятихатка. Что не доказуемо. Дальше что?

ЕГОР. Как, сука, что? Отдай мне ее.

ПАВЛИК. Ты посмотри на меня и на себя.

Егор смотрит.

ЕГОР. Ну, и что?

ПАВКЛИК. Разницу видишь? Ту которая сразу бросается в глаза?

ЕГОР. Конечно, вижу. Из нас двоих только ты похож на счастливого человека. И все из-за моей пятихатки.

ПАВКЛИК. ТЫ как одет, и я, как одет. Видишь?

ЕГОР. Да что тут видеть? Ну, да я получше. Только это мне не бросается в глаза. Это в башке сразу, автоматом: ты одет, как убогий, а я как нормальный человек. Но это, повторюсь, не бросается мне в глаза.

ПАВЛИК. У тебя зарплата явно повыше. Причем, в несколько раз, минимум.

ЕГОР. А что, если я просто лучше тебя одеваюсь?

ПАВКЛИК. То, есть, зарплата у тебя не повыше?

ЕГОР. Ну, да, скорее всего, повыше. Потому что я узкоспециализированный специалист. А ты, скорее всего нет. Ты работяга.

ПАВЛИК. Вот ты, как узкоспециализированный специалист, ответь мне на один вопрос. Почему при таком уровне зарплаты ты обнаружил, что у тебя нет пятихатки? Мало того, ты пошел еще ее и искать. И не днем, когда шансы велики, а ночью? И кроме того еще и на меня набросился? Если бы я получал, как ты, я бы вообще не заметил, что у меня полегчало в кармане на одну сраную пятисотрублевую купюру.

ЕГОР. Да потому, что это моя пятихатка. И я ее не нашел, как ты. А заработал собственными руками. Если бы я разбрасывался своими пятихатками и днем и ночью, думаешь, я бы был узкоспециализированным специалистом?

ПАВЛИК. Да ты жадный.

ЕГОР. Все, утомил. Какой я нахрен, жадный?

Егор вытаскивает пистолет. Направляет на Павлика. Кажется, если все правильно сделать, то пуля проковыряет в Павлике дыру.

ЕГОР. Пятихатку гони.

Не сказать, что Павлик сильно напуган. Он достойно протягивает 500 рублей. Егор забирает.

ПАВЛИК. Ты меня, может быть, еще из-за нее застрелишь, а потом всем остальным будешь рассказывать, что ты не жадный? Знаешь, если ты меня застрелишь, то я буду вертеться как белка в колесе и всем в аду рассказывать, что скоро туда попадет самый жадный в мире человек, который застрелил меня из-за пятихатки. При том, что получал он зарплату более, чем достойную.

ЕГОР. Да ты охренел что ли, в каком я буду аду?

ПАВЛИК. А ты, думаешь, тебя в татарский рай заберут за то, что ты ходил в дорогом костюмчике и при этом застрелил простого работягу из-за пятихатки?

ЕГОР. Утомил меня грузить.

Егор рукояткой пистолета бьет Павлика по голове. Тот падает.
Егор смотрит на него внимательно.

ЕГОР. И штаны у тебя пидорские. Кто вообще в час ночи ходит в желтых штанах из работяг? Только подоры-работяги. Пидор,сука, работяга.

Егор качает головой. Прячет пистолет. Уходит.

По реакции Павлика можно понять, что сравнение с пидором-работягой его сильно коробит. Причем, так, что у него хватает сил не сразу, но подняться. Павлик прихватывает валяющийся рядом камень. Кровь заливает лицо.

ПАВЛИК. (очень тихо). Сам ты пидор-работяга.

Егор не слышит. Павлик постепенно нагоняет Егора.

ПАВЛИК. Пидор-работяга.

Егор все идет и кажется, что он правда не слышит, как надвигается угроза с камнем.

ПАВЛИК. Я тебе покажу. Пидор-работягу. Сейчас такого работягу и пидора покажу.

Павлик уже заносит руку, чтобы камнем деформировать затылок Егора, но Егор ловко поворачивается. Пистолет красиво утыкается в лоб Павлика. Павлик замирает

ЕГОР. Я же, сука, говорю, я узкоспециализированный специалист.

ПАВЛИК. Ладно, тогда буду ждать тебя в аду. Стреляй.

Егор нажимает на курок. Но ничего не происходит. Осечка.

Оба осознают новую ситуацию. Павлик красиво приземляет камень в висок Егора.

Егор падает. Павлик не останавливается, продолжает забивать камнем бездыханного Егора.

ПАВЛИК. Никто. Не смеет!. Меня! Называть! Пидором! Ненавижу! Пидоров! Пидоры зло! Назвал меня! Сука! Пидором!

Когда Павлик, заляпанный вражеской кровью, устает, лицо Егора превращается в фарш.

Павлик садится рядом. Тяжело дышит. Потом, оглядывается по сторонам. Уходит.

Возвращается обратно. Забирает пистолет. Прячет его за пазуху. Оттягивает в кусты тело Егора. Поспешно уходит.

Сцена 3

Павлик ночью сидит у себя в комнате на полу и слушает по телефону Олю.

ОЛЯ. Я бы, может и не была бы на тебя обижена. Но это трудно. Понимаешь, трудно не быть обиженной на человека, когда он говорит, что ты говно. Причем не в тот момент,

когда сам про это думаешь, да, я говно. А в самый неожиданный. Я вообще всячески, окольными путями доказывала, что говно ты. И ты был этим говном. Но даже в тот момент ты умудрился меня назвать говном... Да в тебе не было никакого осознания...

Павлик прикрывает рукой телефон А сам резко реагирует на какой-то шум в коридоре. Похожий на тигриный рык. Прислушивается, шума нет.

Павлик обратно прижимает трубку к уху. Смотрит на картину с изображением зеленого тигра.

ОЛЯ, Ты меня вообще слушаешь?

ПАВЛИК. Слушаю.

ОЛЯ. С тобой все в порядке? Ты сам на себя не похож.

ПАВЛИК. Приболел немного.

ОЛЯ. Немного? Да ты сильно приболел.

ПАВЛИК. Не сильно.

ОЛЯ. Да сильно. Был бы не сильно, ты бы уже пару раз успел меня назвать говном. И, знаешь, я прекрасно понимаю, что ты это не со зла. Просто эти твои вспышки гнева. Знаешь, с этим тяжело жить. Нам нужна передышка.

ПАВЛИК. Ага, нужна.

Опять что-то похожее на рык. Павлик отключается. Встает. Прислушивается. Подходит к входной двери. И тихо ее открывает.

На пороге стоит Юрьич с сумкой.

ЮРЬИЧ. А я, как раз к тебе.

ПАВЛИК. Это вы рычали?

ЮРЬИЧ. Рычали?

ПАВЛИК. Да, вы правы. Вы не похожи на человека, который рычит.

ЮРЬИЧ. Конечно не похож. Да и ты, кстати, не похож, на человека, которым ты, судя по всему, являешься... Можно войти?

ПАВЛИК. Так пол третьего утра.

ЮРЬИЧ. То есть не культурно?

ПАВЛИК. Нет, просто пол третьего утра. Мне спать надо.

ЮРЬИЧ. Поражаюсь твоей выдержке. Ты можешь сейчас спать?

ПАВЛИК. Конечно. Сейчас же, полтретьего утра. Все спят в полтретьего утра.

ЮРЬИЧ. Нет, ну можно, все же зайти?

Павлик смотрит на Юрьича изучающе. Пропускает.

Юрьич кидает взгляд влево-вправо. Оценивая квартиру.

ЮРЬИЧ. А у тебя славненько. Я про обстановку.

После этих слов возникает подозрение, что Юрьич все время жил на свалке. Квартира Павлика, возможно, уже второе десятилетие стоит без ремонта.

ЮРЬИЧ. Люди есть? Ну, кроме тебя я имею ввиду.

ПАВЛИК. Это смотря для чего интересуетесь.

ЮРЬИЧ(тихонько). Я знаю, что вчера ночью было в парке.

Павлик закрывает дверь. Слова на него производят нужный эффект.

ПАВЛИК. Сразу говорю, минет я вам делать не буду.

ЮРЬИЧ. А при чем тут минет?

ПАВЛИК. А при том. Вы же знаете, что вчера было в парке.

ЮРЬИЧ. Я знаю, что ты Егора завалил...

ПАВЛИК. Егора? Он же с виду татарин.

ЮРЬИЧ. Ну да, татарин. И не только с виду.

ПАВЛИК. Тогда как он может быть Егором? Айратом, Тимуром, Азатом — да. Но Егором?

ЮРЬИЧ. Как хочет, так и называется. Он в России живет. Имя Егор русское. И плевать, что сам он татарин. Но русский же татарин... ты, подожди, что, ты ему еще и минет делал?

ПАВЛИК. Не делал я ему минет.

ЮРЬИЧ. Тогда зачем ты про него стал вообще говорить? Тем более так, как-будто ты его ему делал, но хочешь, чтобы я думал, что не делал.

ПАВЛИК. Если вы все знаете. А там никого не было. То это логично, что вы слышали, как он меня пидором называл.

ЮРЬИЧ. Господи, да он всех пидорами называет.. У него привычка такая, что не человек, то пидор. Он даже женщин пидорами называл. Вот такой вот был Егор.

ПАВЛИК. Почему был?

ЮРЬИЧ. Ну, он же умер.

ПАВЛИК. Как умер?

ЮРЬИЧ. Ты из его лица салат камнем сделал. Только не говори, что ты удивлен, что он умер?

ПАВКЛИК Я не проверял.

ЮРЬИЧ. Там пол башки нет. И ты сам приложил к этому все свои усилия. Неужели ты веришь, что люди могут жить, когда пол башки нет?

ПАВЛИК. Возможно, я был немного неадекватен и не смог отметить тот факт, что у него нет пол башки.

ЮРЬИЧ. Не знаю, в каком ты мире живешь, Павел. Но в моем мире, когда у человека нет пол башки, он умирает. И вообще, мне кажется, это нормально умирать, когда нет пол башки. Что ты живой с этой половиной сделаешь? Если многие даже с целой ничего не могут. Ну, много же таких, как Егор. (видит стул). Я присяду?

ПАВЛИК. Конечно, присаживайтесь... В общем, я соболезную. Но он назвал меня пидором.

ЮРЬИЧ. Сумку не хочешь открыть?

ПАВЛИК. Это мне, что ли?

ЮРЬИЧ. Ну, можно и так сказать. Хотя я до сих пор не понимаю, это можно назвать подарком или нет

Павлик открывает сумку. Пошире открывает. Смотрит внутрь.

ПАВЛИК. Это, что, кот?

ЮРЬИЧ. Ну да, кот.

ПАВЛИК. А почему он безголовый?

ЮРЬИЧ. Потому что головы нет, как я понимаю.

ПАВЛИК. Это вы его?

ЮРЬИЧ. Ну да, я. Терпеть не могу, отстреливать головы котам, но иногда приходится идти на крайние меры. Вот, как сегодня... Ты, кстати, не знаешь?

ПАВЛИК. Кота?

ЮРЬИЧ. Да, кота не знаешь?

ПАВЛИК. Да как его узнать-то? Он же весь в кровище. Еще и одеревенел от смерти совсем. Да и головы у него нет. Плюс в сумке темно.

ЮРЬИЧ. Так посвети. Телефона, что ли, нет, с фонариком?

Павлик берет телефон. Включает фонарик.

ПАВЛИК. У меня там не только фонарик. Еще и интернет скоростной. Ловит вообще везде. Заводской китаец..Пожалуй, он немного похож на Барсика.

ЮРЬИЧ. Немного?

ПАВЛИК. Ну да, немного. Во-первых, он весь в крови, тело задеревенело. И к тому же, у него нет головы. Так что немного.

ЮРЬИЧ. Немного на Барсика. Это же кот твой?

ПАВЛИК. Да, мой, но сейчас он не у меня. Так что этот кот только немного похож на Барсика.

ЮРЬИЧ. Ага, понятно. А если я скажу, что это и есть Барсик?

ПАВЛИК. Ну, я сразу скажу, что это херня полная. Барсик не у меня. Он в безопасном месте.

ЮРЬИЧ. В таком уж и безопасном?

ПАВЛИК. Нет, ну вы же не могли выследить моего Барсика и отстрелить ему голову за сутки. Во-первых, это, слишком быстро. Во-вторых, это же не гуманно.

ЮРЬИЧ. Ага, не гуманно. Ты знаешь, «не гуманно» скорее подходит забиванию камнем человека до смерти, но никак не отстрелу головы простому домашнему коту.

ПАВЛИК. Он меня пидором называл. И вообще, это все его жадность.

ЮРЬИЧ. Да, есть немного. Действительно, жадность у Егора - есть немного... Барсика, значит, не знаешь... Может, позвонишь своей Оле. Спросишь у нее, где Барсик?

ПАВЛИК. Оценил вашу подготовку. Оля... Сейчас же уже почти три часа ночи. Кто звонит в три часа ночи и спрашивает, где Барсик?

ЮРЬИЧ. Не знаю, говорил тебе кто или нет это когда-нибудь, но ты тяжелый человек. Причем странно, что у тебя имя не Олег. Обычно Олеги страдают тем, что они тяжелые люди. Но ты. Ты же не Олег

Юрьич достает из кармана телефон. Открывает видео, снятое на данный аппарат. На заставке видео — перепуганные глаза кота Барсика.

ЮРЬИЧ. Будешь смотреть? На Барсика?

Юрьич демонстрирует заставку.

ПАВЛИК. Это точно Барсик?

ЮРЬИЧ. Ты включи.

Павлик включает видео. На видео перепуганному Барсику в голову тычут обрезом.

ГОЛОС ЮРЬИЧА. Барсик, ты только ничего не бойся. Барсик, там дальше будет рай.
Барсик.

Раздается выстрел. Головы Барсика, как не бывало. Все же, обрезом стреляли в Барсика.

Павлик в шоке. Смотрит на Юрьича.

ЮРЬИЧ. Так, теперь наша главная с тобой задача в ближайшие несколько минут обоим оставаться на ногах. (у Юрьича уже в руке обрез). Веришь-нет, но мне не хочется с тобой делать то же самое, что и с Барсиком. Но это вынужденная мера. Я про то, что случилось с Барсиком.

ПАВЛИК. Какая, мать его, еще вынужденная мера?

ЮРЬИЧ. Ты должен быть уверен, что я серьезен.

ПАВЛИК. А я, что, сомневался?

ЮРЬИЧ. Ну, это нам теперь не понять. Ты увидел Барсика. Увидел, что он без головы. Ты знаешь, что я серьезен. Но утверждать, что ты бы мне поверил, будь я сейчас без мертвого безголового Барсика, мы не можем, верно?

ПАВЛИК. Вы отстрелили ему голову!

ЮРЬИЧ. Старые методы. И Правила. Они написаны кровью. Как военный устав. В мире могут меняться пейджеры на мобильники, мобильники на скайп, скайп еще на какую-нибудь хрень. Но всегда есть старые методы. Я должен был отстрелить ему голову.

ПАВЛИК. Блядь! А у вас есть Барсик?

ЮРЬИЧ. Барсика нет, но кот есть.

ПАВЛИК. Вы же теперь понимаете, что я должен и вашему коту отстрелить голову?

ЮРЬИЧ. Моему-то за что?

ПАВЛИК. За то, что это не честно - ваш с головой ходит, а мой нет.

ЮРЬИЧ. Я же тогда тебя застрелю.

ПАВЛИК. Ну и насрать. Зато ваш кот тоже будет безголовый... Мне его хоть похоронить можно?

ЮРЬИЧ. Моего кота?

ПАВЛИК. Зачем мне ваш кот? Ваш позже будет. Барсика своего мне можно похоронить?

ЮРЬИЧ. Можно конечно, я же не зверь.

ПАВЛИК. Да неужели? А я то думаю, почему у вас нимб над головой так сильно светится.

ЮРЬИЧ... Ладно, мы разобрались, что я серьезен?

ПАВЛИК. Конечно разобрались. Теперь вы дадите мне его похоронить?

ЮРЬИЧ. А как же самое главное?

ПАВЛИК. Еще есть что-то самое главное? Вы, что и моему любимому пони уже голову отстрелили?

ЮРЬИЧ. У тебя есть пони? Это же как-то по-женски.

ПАВЛИК. И как это вы так работаете, если не знаете про моего пони? Да я бы с ним под одной крышей жил, если бы он хотя бы был раза в три меньше, чем среднестатистический пони. А так пони, хоть и считается маленькой лошадкой, но, все же, здоровенное животное, которое прилично гадит. И если такое держать в квартире, то уже через месяц будешь из комнаты в комнату перемещаться по лошадиному дерьму вплавать.

ЮРЬИЧ. Ага, я думал, что у Егора с головой не все в порядке.

ПАВЛИК. А у вас прямо все в порядке? Вы же коту голову отстрелили нахрен. Причем из обреза. Нельзя было хотя бы из пистолета?

ЮЮРЬИЧ. Ну, ему бы тогда голову не оторвало так.

ПАВЛИК. Вы это серьезно? Господи Иисусе, это же просто животное!

ЮРЬИЧ (глядя на часы). Ладно, уже поздно... Я бы, понимаешь, может и не пришел. Ну, Егор не входит в тройку самых родных мне людей и все такое. Но ситуация заключается в том, что Егор был узкопрофильным специалистом (имитирует рукой палец, приставленный к виску пистолет). И у него была работенка. Не самая, я скажу тебе, приятная. А ты его взял и замочил накануне.

ПАВЛИК. Вы, хотите, чтобы я это сделал?

ЮРЬИЧ. Ну, либо Оля. Только к ней я уже не обрез буду к голове приставлять. А гранатомет. Ты когда-нибудь видел, как человеку гранатометом голову отрывает? Вот я не видел. А хотелось бы.

ПАВЛИК. А почему вы так уверены, что я знаю, как такую работу делать? (пальцем имитирует приставленный к виску пистолет)

ЮРЬИЧ. Ну, мы-то с тобой знаем, кем и где ты раньше работал.

Сцена 4

Оля в шоке. У себя на квартире. Она смотрит на тело Барсика, которое лежит на тряпке в комнате. Рядом Павлик.

ОЛЯ. Господи, Барсик!

ПАВЛИК. Повторяю, тебе надо уезжать.

ОЛЯ. Да когда ты успел? Барсик же вроде бы все время дома был.

ПАВЛИК. Это не я.

ОЛЯ. А кто тогда?

ПАВЛИК. Я говорил кто, Оля. Поэтому тебе нужно уезжать.

ОЛЯ. Он же теперь безголовый Барсик.

Диалог, видимо, идет уже долго. Павлик устает от тщетности попыток уговорить Олю.

ПАВЛИК. Оля, послушай меня.

ОЛЯ. А не то что? А не то ты и мне голову отстрелишь, как Барсику? Господи, какое же ты говно!

ПАВЛИК. Отлично, ты еще и говном стала от меня отгораживаться.

ОЛЯ. Это ты от меня всегда говном отгораживаешься, не надо тут врать!

Оля немного истерит и рыдает.

ПАВЛИК. Если ты не уедешь, то голова у тебя будет такая же, как у Барсика.

ОЛЯ. Ее же у него нет.

ПАВЛИК. Именно. Оля, именно. Ты хочешь ходить без головы?

ОЛЯ. Как я без головы буду ходить? Люди же без нее не ходят. Там же мозг.

ПАВЛИК. Барсику отстрелили голову, чтобы показать как все серьезно. Потом отстрелят и тебе, чтобы тоже показать, как все серьезно.

ОЛЯ. А я мне за что?

ПАВЛИК. То есть, ты считаешь, Барсику за что-то отстрелили?

ОЛЯ. Ну, если так разобраться, Барсик же был не идеальным котом.

ПАВЛИК. Да котов вообще идеальных не бывает.

ОЛЯ. Да, наверное, не бывает. Но ему же, тем не менее, отстрелили голову. Не какому-то там мимо проходящему коту, а именно Барсику.

ПАВЛИК. Я же сказал, чтобы мне показать, насколько серьезная ситуация.

ОЛЯ. То есть, я теперь у них запасной вариант? Если вдруг ты с первого раза не поймешь, что ситуация серьезная?

ПАВЛИК. Можно и так сказать.

ОЛЯ. Теперь ты понимаешь, как я ненавижу тебе принадлежать?

ПАВЛИК. Ты мне не принадлежишь, Оля.

ОЛЯ. Это с какого перепугу не принадлежу? Я же женщина. У меня в крови принадлежать. Почему я не могла кому-нибудь другому принадлежать? Кому-нибудь, у кого, его домашним животным и женщинам не отстреливают головы.

ПАВЛИК. Тебе не отстрелят голову, Оля. Если ты все сделаешь, как надо.

ОЛЯ. Надо уехать?

ПАВЛИК. Да надо на время уехать.

ОЛЯ. Ну ты прямо деловой такой. Да куда уехать вообще? У меня же жизнь говно. Ехать некуда. И не к кому. Один ты и был.

ПАВЛИК. Почему был?

ОЛЯ. Да потому, что у меня теперь такое подозрение, что могут и тебе голову отстрелить.

ПАВЛИК. Нет, мне не отстрелят.

ОЛЯ. Почему это?

ПАВЛИК. Потому что про мою никто ничего не говорил. Говорили только про твою.

ОЛЯ. Еще и неравноправие. Ну что за говно? Почему это мне значит, можно отстреливать голову, а тебе нет? И Барсику еще можно. Барсик, Барсичек!

Оля гладит Барсика. У нее вновь небольшая истерика.

ПАВЛИК. После того, как мы похороним Барсика. Мы соберем твои вещи. И вместе придумаем, куда ты поедешь, Оля.

ОЛЯ. Мы его похороним?

ПАВЛИК. Конечно, похороним, это же наш любимый питомец был.

ОЛЯ. Ну это же не честно, его хоронить.

ПАВЛИК. Почему нечестно?

ОЛЯ. Да он улицу люто ненавидел. А ты хочешь его там похоронить.

ПАВЛИК. И что ты предлагаешь?

ОЛЯ. Пока я не придумала. Разве не видишь, что жизнь говно и у меня траур. Барсиик!

ПАВЛИК. Но ты, хотя, бы уедешь, Оля? Или тебе хочется быть такой, как Барсик?

ОЛЯ. Только я уеду. А потом все. Потом не буду тебе принадлежать понял? Уеду и буду искать кого-нибудь другого. Буду ему принадлежать. И еще обязательно поинтересуюсь, отстреливают его родным головы или нет. Понял?

Слышится тигриный рык.

ПАВЛИК. Ты слышала?

ОЛЯ. Что слышала?

Павлик прислушивается. Тишина. Напряжение вырастает, поэтому ночной звонок на мобильный Павлика его немного пугает.

ПАВЛИК. Я сейчас, Оля.

ОЛЯ. Да кто в пол шестого утра может вообще звонить?

Павлик уходит на балкон, закрывает за собой дверь.

Оля садится на пол. Кладет Барсика на руки. Гладит его. Не смотря на то, что Барсик на прежнего Барсика уже не похож.

Через дверь видно, как Павлик стоит на балконе. И в основном слушает, что ему говорят. Оля пропадает из поля зрения.

Павлик за телефоном долго.

К балкону из комнаты тянется дым.

Павлик заканчивает разговор. Видит дым. Открывает дверь. Пытается сориентироваться, что происходит. Расследование выводит его на кухню. Видимо, воняет, так как Павлик почти блюет.

На кухне на печи полыхает в огне Барсик. Оля стоит рядом и то и дело поливает его топливом. Видимо, бензином. В противогазе.

ПАВЛИК. Ты что делаешь, Оля?

ОЛЯ. Я же говорю, что он не любил улицу. И ему вряд ли захотелось бы там лежать. Поэтому я его вот, кремирую.

ПАВЛИК. А в крематорий нельзя было его отнести?

ОЛЯ. А он у нас есть?

Павлик осознает, что, видимо, крематория, правда, в городе нет.

ПАВЛИК. Противогаз еще один есть?

Оля протягивает противогаз.

Павлик надевает противогаз. Вместе смотрят на пылающего Барсика.

ОЛЯ. И я, пожалуй, никуда не поеду.

ПАВЛИК. Это еще почему?

ОЛЯ. Ну потому, что они тогда тебе точно голову отстрелят. Это же не правильно. Учитывая, что я твоя женщина, которая должна тебе принадлежать. Пусть мне тогда и отстреливают.

ПАВЛИК. Жизнь говно.

ОЛЯ. Ну вот, видишь, а ты говоришь, что это я словом «говно» направо и налево раскидываюсь.

СЦЕНА 5

Павлик и Анатолий в рабочих комбинезонах стоят в раздевалке автомойки. На Анатолии балаклава.

АНАТОЛИЙ. Ну, не знаю не знаю, Павел.

ПАВЛИК. Что тут не знать? Я тебе денег плачу.

АНАТОЛИЙ. Нет, я понимаю, что ты платишь.

ПАВЛИК. Больше, чем за смену плачу, а дел на пол часа.

АНАТОЛИЙ. И сезон сейчас не сезон. Машин толком нет. Даже, если мыть захочешь, мыть не чего. Но это же... это же лыжная маска, Павел!

ПАВЛИК. Балаклава. Правильно эту херню на твоей голове называть балаклавой.

АНАТОЛИЙ. Балаклава, не балаклава, но это точно та херня, с которой банки грабить ходят. Точно... А ты предлагаешь мне в ней походить.

ПАВЛИК. То есть, денег не надо?

АНАТОЛИЙ. Надо, Павел, надо. И сезон не сезон. Но это же балаклава! Я ее сам одел и мне уже страшно.

ПАВЛИК. Это же для доброго дела. Я же тебе объяснил.

АНАТОЛИЙ. Да, объяснил.

ПАВЛИК. Ну вот как она уедет, если ее никто не спугнет, похожий на тебя в балаклаве. Ты хочешь, чтобы ее замочили?

АНАТОЛИЙ. Я не хочу, чтобы ее замочили. Она же мне нравится.

ПАВЛИК. Вот-вот. Тем более, что она тебе нравится... Спаси женщину, которая тебе нравится.

АНАТОЛИЙ. Но она же не только мне нравится. Хуже того, она еще и твоя женщина.

ПАВЛИК. Которая меня не слушается.

АНАТОЛИЙ. Которая тебя не слушается... А как мне ее уговаривать? Бить, что ли?

ПАВЛИК. С ума сошел, бить мою Олю?

АНАТОЛИЙ. Вот именно. Я тоже не хочу бить твою Олю, тем более, она мне нравится.

ПАВЛИК. Ладно... ладно, что-нибудь придумаем.

ПАВЛИК думает.

АНАТОЛИЙ. Нет, ну хоть одна бы машина заехала. Чертов дождь. Вот я когда устраивался в первый раз на автомойку, даже не думал, о том что тут еще бывают хорошие и плохие дни. А оказывается бывают. Как только идет этот гребанный дождь, так все автовладельцы радуются, а мы, мойщики, грустим.

ПАВЛИК. Придумал.

АНАТОЛИЙ. И что придумал?

ПАВЛИК. Да вот это.

Павлик вытаскивает из-за пазухи пистолет Егора и направляет его на Анатолия.

АНАТОЛИЙ. Не убивай меня, Павел. Послушай! И тут, тут камера работает.

Анатолий показывает на маленькую камеру в углу раздевалки.

ПАВЛИК. Что ты мне пиздишь, работает. Не работает она. Работала бы, ты бы не расхаживал здесь в балаклаве.

АНАТОЛИЙ. Ладно, тогда просто не убивай. Я все сделаю.

Павлик внимательно смотрит на Анатолия. Пауза. Затем он отдает ему пистолет. Рукояткой вперед.

ПАВЛИК. Именно так тебе нужно припугнуть Олю.

АНАТОЛИЙ. Продолжаю, как и все вокруг, спрашивать, а ты кем раньше работал?

Анатолий берет пистолет. Изучающе.

АНАТОЛИЙ. И стрелять мне из него надо будет?

ПАВЛИК. Не желательно.

АНАТОЛИЙ. А, если Оля меня не слушает?

ПАВЛИК. Ну, стрельни тогда разок. Но только не в Олю, понял?

АНАТОЛИЙ. Конечно, не в Олю. Оля же мне нравится.

ПАВЛИК. Ну тогда договорились?

АНАТОЛИЙ. Ну я же теперь не только в балаклаве, а еще и с пистолетом... так что нет, не договорились.

ПАВЛИК. То есть?

АНАТОЛИЙ. То есть, сверху еще тысячу накинь. Это же пистолет. Он же опасный. А вдруг я себе яйца или жопу отстрелю, пока транспортировать его буду?

ПАВЛИК. Для этого придумали предохранитель.

АНАТОЛИЙ. Ты думаешь, я знаю, где тут предохранитель?

ПАВЛИК. Сейчас покажу.

АНАТОЛИЙ. Нет, я сам в интернете посмотрю. Просто сейчас сезон-несезон. А риск увеличивается. Ты посмотри на меня, я уже в одной только балаклаве какой страшный. А со стволом? Да она может и завалить меня случайно. С перепугу. Вот такой я страшный.

ПАВЛИК. Ладно... тысяча сверху.

Молчание.

АНАТОЛИЙ. А вот прикинь, если сейчас кто-нибудь зайдет, со словами, мальчики, там машина приехала. Кто мыть будет? А я такой тут в балаклаве и со стволом, и весь такой страшный?

Сцена 6

Павлик едет в лифте. Видимо, настраивает себя. Лифт открывается. Павлик выходит на этаж. Пальцем просчитывает про себя, какая квартира. Идет вначале влево, но потом возвращается — ошибся - и идет направо.

Звонит в дверь. Чуть даже подпрыгивает бесшумно на месте будто боксер перед боем. Дверь открывает Молодой Олег. Смотрит сверху-вниз.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Внимательно.

ПАВЛИК. Внимательно?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Да, внимательно. Это сокращенно от «слушаю внимательно».

ПАВЛИК. А почему сложно все так?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Времени мало. Жизнь короткая. Много говорить — это укорачивать жизнь.

ПАВЛИК. Даже боюсь спрашивать, на что ты все остальное время тратишь.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Повторю еще раз. Внимательно.

ПАВЛИК. Олег?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Олег.

ПАВЛИК. Олег Олегович?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ну да. Внимательно.

ПАВЛИК. Ну так вот, Олег...

Пистолет - другой пистолет, не Егора - уже утыкается в лоб Молодому Олегу. Хотя выглядит это несколько странно. Так как Павлик намного ниже и ему приходится чуть ли ни на носочки вставать, чтобы ткнуть Молодому Олегу пистолет в лоб.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Кажется, есть разговор?

ПАВЛИК. Ага (оглядывается по сторонам). А можно внутрь зайти?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ (пропускает Павлика внутрь). Добро пожаловать.

Павлик убирает пистолет со лба Молодого Олега и закрывает дверь. Затем показывает жестом «тихо». Направляя пистолетом. Быстро на пол корпуса заглядывает в две комнаты и кухню.

ПАВЛИК. Слушай, ничего личного. Но он моему Барсику голову отстрелил.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ага, понимаю... Валить, будешь, или как?

ПАВЛИК. Ну, а что мне еще остается делать, если он моему Барсику голову отстрелил.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Похоже, ты любил его сильно. Этого Барсика.

ПАВЛИК. Не то слово, это же Барсик.. Нет, конечно, временами он был еще тем гандоном. Но, разве, мы выбираем тех, кого любим?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ (смотрит на обои). Слушай, тут обои новые.

ПАВЛИК. А тебе разве теперь не насрать? Ты ж без головы скоро будешь.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Как бы и насрать... Но они тканевые.

ПАВЛИК. Расшифруй.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ну, дорогие, знаешь. Плюс я еще целый месяц ходил и выбирал именно эти обои. Это же больной вопрос — выбрать правильные обои из миллиона существующих.

ПАВЛИК. Вообще ненавижу гребанные ремонты. Потом парься как ты, тут меня не стреляй, здесь тоже. Надо жить, как я. Вообще никакого ремонта.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Я так не могу. Это же твое жилье, твое теплое местечко. Ты это видишь и этим дышишь каждый день.

ПАВЛИК. Он моему Барсику башку отстрелил. Полностью. Напрочь. Ты понял?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Да понял я все. Понял. Но обои.

Павлик оглядывается по сторонам. Везде эти обои.

ПАВЛИК. Они, что, у тебя везде?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Зато какие.

ПАВЛИК. Стой тут.

Павлик целится пистолетом в Молодого Олега, а сам заглядывает на пол тела в одну комнату. Затем и во вторую. Потом и на кухню. Везде эти обои.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ты же уже заглядывал.

ПАВЛИК. Я людей смотрел -заглядывал. В такие моменты — я про первое знакомство с чужой квартирой - как-то не особо обращаешь внимание на то, какие висят

обои. Вообще не на что не обращаешь внимание. Максимум, на телек. Ну, если он большой. А у тебя он не большой. Так что я вообще не обращал ни на что внимание...Нет, они конечно ничего. Эти твои тканевые обои. Но клеить их везде, это явный перебор.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. А судьи кто?

ПАВЛИК. Что?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Говорю, а судьи кто. Кто судит? Ты? Да ты же вообще, судя по твоим же словам, не любитель ремонтов. Так что я не думаю, что ты можешь выступать в роли специалиста, понимаешь?

ПАВЛИК. Ага, а пидоры, наверняка, могут. Они же во всей этой херне разбираются. Или, может, ты сам пидор?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Я пидор? Да скорее, в таком случае ты пидор.

ПАВЛИК(дулом чуть ли не сверлит дыру в голове Молодого Олега). Я тебе сейчас, сука, покажу пидора. Покажу здоровенного пидора тебе в башку.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ладно, не горячись. Я перегнул палку.

ПАВЛИК. Ничего себе, сука, перегнул. Ничего себе. Пидрилой ты меня назвал. Блядь, в мире столько пидоров. Знаешь и не скрытых ни хера, а явных. Их и называй пидорами. Но нет, ты рискнул своим здоровьем и назвал, блядь, меня. Меня, гребананого антипидора. Да я вообще на автомойке работаю. Сомневаюсь, что пидоры на автомойках работают... Ложись, сука.

Молодой Олег ложится.

ПАВЛИК. Сука, полностью ложись.

Молодой Олег ложится полностью.

ПАВЛИК. Доволен?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Чем?

ПАВЛИК. Сейчас я выстрелю тебе в голову и кровь не разлетится по твоим тканевым обоям. Квартира прекрасно будет выглядеть даже после твоей смерти... С ума сойти, ты меня обвинил в пидризме, а я еще не буду пачкать твои обои.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Благогородно.

ПАВЛИК. Ладно, закрывай глаза. Сейчас будет больно.

Павлик упирает дуло в лоб Молодого Олега. Тот закрывает глаза. Но потом резко открывает.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Я не могу.

ПАВЛИК. Можешь. Ты хочешь не хочешь, умрешь. Таковы обстоятельства.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Нет, это понятно. Я к тому, что я не могу закрыть глаза в такой ответственный момент.

ПАВЛИК. Как не можешь? Все люди столетиями закрывают глаза в такой момент. Страшно же смотреть на то, что тебя сейчас убьет.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Я понимаю. Но мне не страшно... Мне, что, притворятся, что мне страшно?

ПАВЛИК. Да я же хотел, чтобы тебе получше было.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. А мне лучше, чтобы я был с открытыми глазами. Это же смерть. И она у меня одна. Не хочу пропустить это важное событие в своей жизни.

ПАВЛИК. Ты знаешь, плохо, что мы с тобой встретились, при таких обстоятельствах. Ты мне нравишься.

Павлик рукой прикрывает лицо. Готов выстрелить. Молодой Олег спокойно смотрит на ствол. Глаза не закрывает.

Но в самый решающий момент рядом появляется Кот.

ПАВЛИК. У тебя, что, есть кот?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Есть.

ПАВЛИК. А почему ты мне не рассказал?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Кот тут не при чем.

ПАВЛИК. Может, у тебя еще кто-то там есть? Который тоже не при чем?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Да нет, только кот.

ПАВЛИК(взяв кота на руки). Ты его любишь, своего кота?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Нет.

ПАВЛИК. Как нет, это же твой кот?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ Ну, он просто лазит тут. Жрет и ходит в лоток. Не обязательно же, чтобы я его за это любил.

ПАВЛИК. А зовут как?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Веня.

ПАВЛИК. Это что за имя такое? Веня?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Нормальное. Моя бывшая его так назвала, видимо, для того, чтобы его не называть Барсиком.

ПАВЛИК. Ты что-то имеешь против имени Барсик?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ничего я не имею. Но Веня несколько реже встречается среди котов.

ПАВЛИК. Я бы сказал, что вообще не встречается. Веня — это от уменьшительно-ласкательного Вена?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Да я не знаю.

ПАВЛИК. Нет, ну как, сука. Ну как вот можно вот так вот приставить к голове беззащитного кота дуло и нажать на курок?

Павлик сопровождает свои слова действиями. Которые не контролировал даже он. Это называется «само так получилось».

Теперь у Павлика на руках Кот с простреленной головой.

ПАВЛИК. Охренеть.

Молодой Олег к этому моменту встает.

Павлик видит рядом с собой Молодого Олега. Но вместо того, чтобы навести на него пистолет, говорить

ПАВЛИК. Да я не хотел. Оно само так получилось... Оказывается, можно, что ли? Взять вот так и отстрелить голову незнакомому коту?

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. Ты убил моего кота.

Молодой Олег бросается на Павлика.

ПАВЛИК. Да ты же сказал, что его не любишь.

МОЛОДОЙ ОЛЕГ. А что мне было говорить? Ты бы ему сразу башку отстрелил.

Завязывается борьба, в результате которой раздается выстрел. Молодой Олег падает с простреленной головой. Открывает за собой вид, который все так надеялись не увидеть — окровавленные тканевые обои.

ПАВЛИК. Ну и чего мы с тобой добились?

Павлик смотрит на обои, на Молодого Олега. А потом идет в ванную. Сама ванна закрыта. Там душевая. Павлик включает воду в раковине. Начинает умываться, а потом слышит, как кто-то чихает.

Пистолет тут же указывает дорогу вперед. И Павлик смело убирает шторку с ванной. В Ванной лежит СТАРЫЙ ОЛЕГ. Под капельницами.

ПАВКЛИК. А это что за нах?

СТАРЫЙ ОЛЕГ. Кто здесь?

Павлик хочет что-то сказать. Но, судя, по беспомощным движениям, Старый Олег слепой.

СТАРЫЙ ОЛЕГ. Я хочу уже нормально на диване полежать. Час в день. Ты обещал. На диване хочу.

Павлик хочет было выстрелить ему в голову почти в упор. Но потом передумывает. Задергивает шторку.

Сцена 7

Павлик идет по улице. Набирает номер на телефоне.

ЮРЬИЧ. С хорошими новостями?

ПАВЛИК. Да с хорошими.

ЮРЬИЧ. С насколько хорошими?

ПАВЛИК. Максимально хорошие новости.

ЮРЬИЧ. Вот это другое дело.

ПАВЛИК. Только вот обои.

ЮРЬИЧ. Что обои?

ПАВЛИК. Ну там, тканевые обои. Он их долго выбирал. Просил не пачкать. А мне пришлось. Ну, если вы понимаете, о чем это я.

ЮРЬИЧ. Да плевать на обои.

ПАВЛИК. Вам конечно плевать, вы бошки котам на право и налево отстреливаете, а мне вроде, как и не плевать. Потому что это было предсмертное желание — чтобы обои оставались целыми. И я старался, чтобы они оставались целыми. Но так получилось.

ЮРЬИЧ. Ладно, я понял. Ты расстроен.

ПАВЛИК. Конечно. Расстроен. Это же не просто обои. А тканевые. И выбирал он их долго. Всю квартиру ими заклеил. И смотрятся. В каждой комнате смотрятся. Конечно я расстроен.

ЮРЬИЧ. Ты из-за Барика расстроен. Барсик без головы. Вот ты теперь и расстраиваешься из-за всякой херни. Вот ты бы расстраивался из-за этих тканевых обоев, если бы Барсик был жив?

ПАВЛИК. Лучше, не напоминайте мне про Барсика.

ЮРЬИЧ. Ладно, извини.. Ты с собой что-нибудь прихватил?

ПАВЛИК. Я, что, на мародера похож?

ЮРЬИЧ. Я знаю, кем ты был, и чем ты занимался. Мог быть и мародером, параллельно.

ПАВЛИК. Не был я никаким мародером. Только благородные дела.

ЮРЬИЧ. Вот что-что, а чтобы такого рода дела называли благородными, впервые слышу...Ладно, понял... Я про палец, там ухо. Ты прихватил палец или ухо?

ПАВЛИК. Вообще-то об этом не было уговора.

ЮРЬИЧ. Да, ты прав. Не было... Ну хоть фото?

ПАВЛИК. Вы у меня телефон видели? На что мне фото было делать? И я вообще как-то не думал про фото. Все из-за этих чертовых тканевых обоев.

ЮРЬИЧ. Я прозвонюсь тогда людям. Узнаю, как и что. И тебе перезвоню. Потом может по твоей подруге отбой дадим...Нельзя же, чтоб между нами была напряженная ситуация.

Юрьич отключается.

Павлик смотрит на телефон. Набирает номер. Написано: Анатолий.

Дозвониться не получается.

Набирает другой. Написано: Оля.

Гудок идет. Оля берет трубку.

ПАВЛИК. Как дела?

ОЛЯ. Ты не поверишь, но говно дела.

ПАВЛИК. Да у тебя все время говно дела. И просто говно без дел у тебя тоже бывает.

ОЛЯ. Я думаю, мне нужно, все-таки уезжать.

ПАВЛИК Конечно, тебе нужно уезжать. Я же тебе с самого начала это говорил.

ОЛЯ. Все серьезно.

ПАВЛИК. А я про что? Он же отстрелил Барсику башку. Уже тогда должно было быть понятно, что все серьезно.

ОЛЯ. Ну теперь все еще серьезнее. Не могу об этом говорить по телефону. Но это полное говно. Ты когда будешь?

ПАВЛИК Скоро. Я уже не далеко.

Недалеко от Павла на асфальте видны мокрые следы крупной кошки. Возможно, тигра. Павлик их не видит.

Сцена 8

Павлик с Олей у Оли в квартире, где лежит застреленный Человек в форме автомойщика и в балаклаве. Пуля попала в голову.

Долго молчат.

ПАВЛИК. Ты же сказала, что приходил человек.

ОЛЯ. Он и приходил.

ПАВЛИК. Да, но под словом приходил подразумевается, что он ушел. А этот явно не ушел.

ОЛЯ. Может, мне нужно было еще по телефону сказать что у меня тут мертвый человек лежит?

ПАВЛИК. Да хорошо, что не сказала.

ОЛЯ. И что с ним делать теперь? Пилить?

ПАВЛИК. Что?

ОЛЯ. Ой, ну не притворяйся, будто я не знаю, чем пару лет назад ты занимался... Так пилить или нет?

ПАВЛИК. А кто это?

ОЛЯ. Приперся в форме автомойщика. Не знаю. Так-то с виду на Анатолия похож.

ПАВЛИК. Похож... Балаклаву снимала?

ОЛЯ. Что снимала?

ПАВЛИК. Балаклаву. Это херня на башке называется балаклава.

ОЛЯ. Все ее лыжной маской называют.

ПАВЛИК. Лыжная маска — это одно. А балаклава другое. Это балаклава.

ОЛЯ. Я не снимала балаклаву. У него же дыра в башке.

ПАВЛИК. Я заметил.

ОЛЯ. Тогда зачем спрашиваешь?

ПАВЛИК. Ну, а вдруг, ты снимала.

ОЛЯ. Ну да, может, я еще по всяким там выставкам хожу, где у людей дыры в башках, а посетители еще с них и балаклавы снимают? Тут же крови столько вытекло. И вообще, мне кажется, на той стене, его мозги.

ПАВЛИК(смотрит). Ну да, похоже. Только не все.

ОЛЯ. Не все. А может, и все. Может, у него всю остальную черепную коробку говно занимало.

ПАВЛИК. Опять ты про говно?

ОЛЯ. А про что еще? Тут вообще говно случилось. В комнате лежит человек с дырой в башке.

ПАВЛИК. И обои ни к черту... пожалуй, надо тебе переходить на тканевые.

ОЛЯ. На обои тканевые?

ПАВЛИК. Ну да, тканевые. Дорогие правда, но смотрятся, знаешь хорошо. А эти вообще убогие.. ну, если сравнивать с тканевыми. Только если мы поклеим тканевые обои, тебе нельзя стрелять людям в головы.

ОЛЯ. Я вообще даже этому не собиралась.

Павлик снимает с лица балаклаву.

ПАВЛИК. Охренеть.

ОЛЯ. Ты его знаешь?

ПАВЛИК. В том-то и дело что не знаю. Охренеть.

ОЛЯ. В смысле, в том-то и дело, что не знаешь.

ПАВЛИК. В смысле, я половину автомойщиков города знаю. И этот явно из другой половины. Вот и охренеть.

ОЛЯ, И что с ним делать будем?

ПАВЛИК. Вытащим и закопаем, наверное.

ОЛЯ. А, если он, как Барсик, не любил улицу?

ПАВЛИК. По-любому любил.

ОЛЯ. Откуда такая уверенность?

ПАВЛИК. Если всмотреться в нетронутую часть головы, то там можно заметить лицо. И оно не серое. А, напротив, свежее. Свежее, конечно, настолько, насколько оно может быть свежим у мертвого человека... Значит, он любил гулять... А что вообще случилось?

ОЛЯ. А мне обязательно рассказывать? Обязательно переживать это говно снова?

ПАВЛИК. Так-то у меня сейчас огромное подозрение, что ты психопатка, которая застрелила беззащитного человека.

ОЛЯ. Беззащитного человека? Это, когда он стал беззащитным? Когда одел балаклаву или когда одел балаклаву и еще взял пистолет. Или, может, все-таки, когда одел балаклаву, взял пистолет и ко мне в таком виде ворвался? ...Рассказывать я ничего не хочу. Это же из-за тебя. Они вначале Барсику голову отстрелили, а теперь пришли мне отстреливать. И все из-за того, что я тебе принадлежу.

ПАВЛИК. Хватит, про свое принадлежу. Вообще мы даже в разных квартирах живем.

ОЛЯ. Но только это не отменяет тот факт, что я тебе принадлежу.

ПАВЛИК. Ладно, понял. Не надо так не надо. Ты хотя бы, уедешь?

ОЛЯ. Ну конечно уеду. А то такими темами я точно без башки останусь.

ПАВЛИК. Я ненадолго. Мне надо позвонить.

Павлик идет на балкон. Звонит.

Трубку берет Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Я не могу разговаривать.

ПАВЛИК. Неужели у тебя там все хуже, чем у меня?

АНАТОЛИЙ. У меня ребенок спит.

ПАВЛИК, Не поверишь, но у меня тут тоже человек спит.... Вот ты мне скажи, мы как договаривались?

АНАТОЛИЙ. Как договаривались, так я и сделал.

ПАВЛИК. Ты не поверишь, но что-то все это не похоже на то, что ты тут что-то сделал. Тебя тут даже не было.

АНАТОЛИЙ. Я был.

ПАВЛИК. А человек, который лежит в форме автомойщика и балаклаве, утверждает что не был.

АНАТОЛИЙ(пауза). Что с ним?

ПАВЛИК. Трудно сказать, но, знаешь, ничего хорошего точно.

АНАТОЛИЙ. Я могу все объяснить.

ПАВЛИК. Сомневаюсь, что у тебя получится. Мы же с тобой договаривались?

АНАТОЛИЙ. Со мной

ПАВЛИК. Ну тогда почему тут лежишь не ты. А какой-то хрен?

АНАТОЛИЙ. Что значит «лежит»?

ПАВЛИК. А вот то и значит. Тебе нужно приехать. И помочь все разрулить, понимаешь?

АНАТОЛИЙ. Да я ничего не делал!

ПАВЛИК. Делал, не делал, а расследование быстро докажет, что делал, еще и как.

АНАТОЛИЙ. Какое расследование?

ПАВЛИК. Обычное, которое бывает, когда один человек вместо того, чтобы ходить начинает лежать.. Так я могу рассчитывать на тебя? Или ты опять кого-нибудь вместо себя пришлешь?

АНАТОЛИЙ. Сейчас буду.

ПАВЛИК. Хорошо. А то сезон-не сезон и для тебя и для меня может вообще кончиться хуже, чем самый плохой не сезон.

Павлик отключается. Идет в комнату. Обнаруживает, что тела нет. Но есть следы, указывающие, куда тянули тело. Павлик идет по ним. И оказывается на кухне. Тело, облитое бензином, красиво горит на печку. Оля стоит рядом, смотрит.

ПАВЛИК. Мать твою, Оля. Это же не Барсик. Это целый человек.

ОЛЯ. Ты, наверное, не слушал, когда я предположила, что он как Барсик, может, не любил улицу. Не думаю, что он бы в таком случае хотел бы, чтобы его хоронили. Хоронят же на улице.

ПАВЛИК. А про отсутствие серого цвета на его лице ты, разве, не слышала? Я же рассказывал, Оля! Делился наблюдениями.

ОЛЯ. Нет, все-равно кремация лучше. Она всем подходит.

ПАВЛИК. Мне вот не подходит. Если вдруг что, я не хочу, чтобы меня кремировали.

ОЛЯ. Противогаз одень. Сейчас вонять начнет.

ПАВЛИК. Да уже воняет.

ОЛЯ. Но не так, как сейчас.

ПАВЛИК. А соседи? Что они подумают?

Павлик одевает противогаз.

ОЛЯ. Да ничего. Это же новый дом. Еще не заселились.

ПАВЛИК. Да точно. Забываю, что его еще не заселились. Редко же такое бывает.

Оба стоят, смотрят на полыхающее тело.

ПАВЛИК. Оля, все-таки, я думаю, тебе надо уже чем-нибудь другим начать заниматься, а не перепродажами бензина. Таким темпами ты вообще все обольешь бензином и спалишь.

ОЛЯ. Красиво же горит?

ПАВЛИК. Тело?

ОЛЯ. Какое тело? Бензин.

ПАВЛИК. Бензин да, а тело нет.

Сцена 9

Анатолий, Оля и Павлик смотрят на обгоревшее тело Человека на печке. Точнее, сгоревшее, но, все же, тело.

АНАТОЛИЙ. Да этого не может быть.

ПАВЛИК. Чего не может быть?

АНАТОЛИЙ. Да всего. Особенно этого.

ОЛЯ. Говно случается.

АНАТОЛИЙ. Говно случается? Это что, на говно похоже? Вообще на говно не похоже. Это же человек был.

ОЛЯ. Он застрелить меня хотел.

АНАТОЛИЙ. Хотел застрелить? Да он вообще не хотел тебя застрелить.

ОЛЯ. Откуда ты знаешь? Ты что, был тут? А я между прочим тут была. И у меня есть

бонус — я его женщина. И я ему принадлежу. (кивает на Павлика).

ПАВЛИК Оля, можно, мы немножко сами тут поговорим?

ОЛЯ. Да конечно. Я в ванную за тряпкой. Пойду кровь с пола отмывать.

Оля выходит.

Анатолий и Павлик разговаривают практически шепотом, но на повышенных тонах.

ПАВЛИК. Это как понимать?

АНАТОЛИЙ Вот именно, я хотел тоже самое у тебя спросить.

ПАВЛИК. А тебе, блядь, не кажется. Ну не кажется немного тебе, что тебе в этой ситуации надо первому объясниться?

АНАТОЛИЙ. Это с какого хрена? Она же моего друга застрелила.

ПАВЛИК. Твоего друга? Я же тебе звонил, спросил, как все прошло? Почему вместо того, чтобы ответить простым «хуево», ты стал рассказывать сказки с подзаголовком «все прошло хорошо»?

АНАТОЛИЙ. Ну да, расскажи я тебе, что вместо меня был не я, не думаю, что я бы получил своих денег. А сейчас сезон- не сезон, дожди гребанные. Машин нет.

ПАВЛИК. А теперь и твоего друга нет. Как его звали?

АНАТОЛИЙ. Петя.

ПАВЛИК. Ну и имечко, Петя. Что ж, теперь твой Петя вполне дошел до того состояния, когда его можно молотком разбить на части и покидать в пакет.

АНАТОЛИЙ. А может и не Петя.

ПАВЛИК. Ты еще кому-то предлагал за тебя сделать твою работу? Весь город может в курсе всего происходящего?

АНАТОЛИЙ. Да я и Пете не предлагал сделать мою работу. Просто так получилось.

ПАВЛИК. Я не хочешь немного рассказать?

АНАТОЛИЙ. А если это не Петя?

ПАВЛИК. А ты все-равно не хочешь немного рассказать?

Сцена 10

Анатолий держит на руках Двухлетнюю Дочку. Та спит. Рядом сидит Петя. Смотрят мультик «король-лев»

ПЕТЯ. Мы как пара.

АНАТОЛИЙ. Что?

ПЕТЯ. Со стороны мы похожи на пару.

АНАТОЛИЙ. На какую еще пару?

ПЕТЯ. На гей-пару.

АНАТОЛИЙ. Не похожи мы на гей-пару.

ПЕТЯ. А я тебе говорю, похожи. Два мужика, телевизор и ребенок на руках. Плюс обои.

АНАТОЛИЙ. Почему еще плюс обои?

ПЕТЯ. Ты уже к ним привык и, видимо, не замечаешь, что они хорошо сочетаются со всей комнатой.

АНАТОЛИЙ. Сочетаться со всей комнатой разве не прямая обязанность обоев? Разве их не для этого придумали?

ПЕТЯ. Именно для этого. Но у тебя не просто там обои. А тканевые.

АНАТОЛИЙ. Они модные просто.

ПЕТЯ. Тканевые обои не просто модные... Ну, может, даже и так. Но когда в комнате два мужика одного возраста смотрят телевизор с ребенком в комнате с красивыми тканевыми обоями, невольно возникает вопросе, а не геи ли они.

Звонит телефон.

АНАТОЛИЙ(вытаскивая телефон). Сам ты «а не геи ли они»

На телефоне включается будильник. Анатолий его выключает.

АНАТОЛИЙ. Присмотришь за Дашей? Я ненадолго?

ПЕТЯ(принимая в руки Дашу). Ты уходишь?

АНАТОЛИЙ. Да нет. Я ненадолго. Мне потренироваться надо.

ПЕТЯ. Подержу... Мне одному только видно, что мы даже разговариваем сейчас, как геи. И этот «король-лев» еще тот гейский мультик.

АНАТОЛИЙ. В каком это месте? Львенок становится настоящим Львом. Вообще не похоже на гейский мультик.

ПЕТЯ. С такого, что больше всего в «Короле-льве» запоминается не сам мультик, а эта чертова гейская песня.

АНАТОЛИЙ. Она не становится гейской только из-за того, что ее написал Элтон Джон.

ПЕТЯ. Еще как становится. В голове так и ассоциируется. О, а сейчас будет гейская песня. Не могу сдержаться и каждый раз на ней рыдаю. Чертова гейская песня.

АНАТОЛИЙ. Я понял твоё отношение, но мы с тобой не геи. Мы с тобой соседи по квартире. И друзья... Так что как друга прошу, дай мне немного потренироваться.

ПЕТЯ. ... Ладно.

Анатолий выходит из комнаты. Прикрывает дверь. Заходит в ванную. Закрывает дверь на едва державшуюся щеколду. Включает воду. Та шумит. Из-под ванной вытаскивает пистолет, завернутый в балаклаву. Балаклаву надевает. Пистолет в руке. Тренируется, глядя в зеркало (понятно, что это банальный штамп, но у парня, действительно, жизнь не сахар, и это лучший способ репетировать)

АНАТОЛИЙ. Тихо. Тихо и не двигаться... Ну как не двигаться, двигайся. Но только в правильном направлении. Да, теперь закрой, сука, дверь... Ты сама знаешь, от кого я... Тебе же явно дали понять, что с тобой будет. И вот я здесь. Я, застрелю тебе бошку... Ты серьезно? Ты исправляешь меня? Ты, что, думаешь я русский язык не знаю? Это из-за того, что я татарин? А ты вообще в курсе, что у меня имя не татарское? А знаешь почему? Потому, что моя мама всегда знала, что у меня по русскому языку будет твердая пять. Да, у меня была твердая пять. И конечно я знаю, что надо говорить, прострелю бошку. Но застрелю башку, так харизматичнее... Какие еще на хрен, достучаться до небес? Там так говорят? В этом фильме? Ну, значит, мы просто мыслим с ними одинаково. Не видел я этот фильм.. Тебе не кажется, что мы отошли от темы? Я вообще-то, пришел застрелить тебе башку?

Дверь резко открывается. На пороге Петя, весь в слезах.

ПЕТЯ. Это что вообще за херня?

АНАТОЛИЙ. Я же говорил, щеколду нужно новую поставить... И это не то, что ты думаешь.

ПЕТЯ. То есть, на голове, у тебя не балаклава?

АНАТОЛИЙ. Вообще я называю ее лыжной маской.

ПЕТЯ. Лыжная маска — это лыжная маска, а у тебя на голове балаклава. Так это не балаклава?

АНАТОЛИЙ. Балаклава.

ПЕТЯ. А это не пистолет?

АНАТОЛИЙ. Пистолет.

ПЕТЯ. Тогда какого черта ты мне говоришь, что это не то, что я думаю... Ты банк ограбить хочешь?

АНАТОЛИЙ. Да ты что. Я же миролюбивый.

ПЕТЯ. Вот именно, я тебя всегда знал, как миролюбивого. А теперь ты в балаклаве и с пистолетом.

АНАТОЛИЙ. Это для дела.

ПЕТЯ. Черт, значит, ты, действительно, что-то ограбить хочешь?

АНАТОЛИЙ. Да попросили меня.

ПЕТЯ. Теперь так, что ли, просят?

АНАТОЛИЙ. Сейчас сезон-несезон. Дожди дурацкие. Есть скоро моей дочке нечего будет...

ПЕТЯ. Так, хорошо, и что тебя попросили?

АНАТОЛИЙ. Как только ты расскажешь, почему ты в слезах.

ПЕТЯ. Мультик «король-лев». Гейская песня. Не знаю, почему, но каждый раз одно и то же, гребанные слезы... Так ты мне расскажешь, что же тебя такого попросили сделать еще и в балаклаве с пистолетом.

АНАТОЛИЙ. Балаклава с пистолетом прозвучало так, будто речь идет о балавлаве со встроенным в нее пистолетом.

В комнате девочка спокойно спит на кресле.

По прихожей в балаклаве и с пистолетом уже расхаживает Петя, а Анатолий смотрит.

ПЕТЯ. Вот такой вот походняк. Этот чертов стул. Я тебе всегда говорил про этот стул. Куда не поставь, он мешает. Черт, да об него можно и споткнуться.

АНАТОЛИЙ. В прихожей должен быть стул. Он нам нужен.

ПЕТЯ. Я знаю, что нужен. Но опасное это дело, стул в прихожей... В общем, вот такой вот походняк. Не сильно-то удобно, когда пистолет тебе упирается то ли в член, то ли в ногу, но, как бы ты не старался, этого не избежать, если ты засовываешь пистолет за пазуху.

АНАТОЛИЙ. Вообще не понимаю, зачем мне какой-то там походняк? Я же зайду в квартиру. Сразу дуло в лоб, и ни ей, ни мне уже ни до какого походняка.

ПЕТЯ. А идти ты как будешь до квартиры? Ты же, все-равно, как-то же собираешься идти?

АНАТОЛИЙ. Конечно собираюсь. Но вообще я планировал идти, как обычно.

ПЕТЯ. Как ни крути, обычно у тебя не получится. Потому что у тебя есть пистолет. Так что с самого начала иди так, чтобы ты сам понимал, что ты не просто так идешь, а идешь с пистолетом. Никогда не мешает лишний раз подпитать себя уверенностью.

АНАТОЛИЙ. Черт, откуда ты столько знаешь?

ПЕТЯ. Ну, я в армии служил.

АНАТОЛИЙ. Да я тоже служил. Это не меняет дела. Откуда ты столько знаешь?

ПЕТЯ. На Кавказе послужи, потом не будешь таких идиотских вопросов задавать.... А ты, как вообще служил? Ты же миролюбивый?

АНАТОЛИЙ. А так и служил, всем плевать, миролюбивый ты там, не миролюбивый. Служил и все. Ну, и страдала еще.

ПЕТЯ. А теперь, ты как самый миролюбивый человек на планете натянешь на свою голову эту балаклаву и будешь размахивать пистолетом?

АНАТОЛИЙ. Нет, ну а что делать, если я один, а жена у меня тварь? И этот сезон-не сезон со своими дождями... если дожди продолжатся. Даже мелкие. Мыть вообще ничего будет. Нет, бывают, конечно дебилы, которые, даже в дождь приезжают и моют своим машины. Но таких мало. А, дочка, хоть и маленькая, ей все-равно, есть надо.

ПЕТЯ. Давай, может я?

АНАТОЛИЙ. С ума сошел, что ли? Со мной же договаривались.

ПЕТЯ. Да кто узнает?

АНАТОЛИЙ. Да все узнают.

ПЕТЯ. В форме автомойщика и с балаклавой на голове, мы даже по комплекции одинаковые.

АНАТОЛИЙ. Ты же только что рыдал над гейской песней, а теперь хочешь вместо меня держать большое и страшное оружие-не оружие?

ПЕТЯ. Еще немного и, глядя на тебя, я опять зарыдаю. Миролюбивый с пистолетом и балаклавой.

АНАТОЛИЙ. Да, нет, я не могу тебя подвергать такому риску.

ПЕТЯ. Это я не могу тебя.

АНАТОЛИЙ. Опять ты про то, что я миролюбивый?

ПЕТЯ. Нет, у тебя же дочь.

АНАТОЛИЙ. А у тебя еще впереди долгая и счастливая жизнь. Жены-не жены нет, детей нет. Черт, да у тебя вообще никого нет, кто мог бы сломать тебе жизнь. Так что нет. Слышишь? Посиди лучше еще немного с моей дочуркой.

ПЕТЯ. Она же спит.

АНАТОЛИЙ. Ну это же дети. Они же, как собаки-не собаки, часто вообще не поймешь, чего от них ожидать.

ПЕТЯ. Ладно... но будь поосторожнее.

Петя снимает балаклаву. И отдает пистолет. Пистолет отдает не сразу. Анатолий берет за другой конец пистолета. Петя, смерив, взглядом, все же, отпускает руку. И уходит в комнату.

Анатолий осторожно пристраивает пистолет за пояс возле паха. Натягивает балаклаву. Идет в одну сторону, подражая походке Пети, потом в другую.

АНАТОЛИЙ. Я кто?.. (резко вытаскивает пистолет, приставляет его к невидимой голове). Я тот, кого попросили передать привет твоей голове. (снимает с предохранителя) Этот щелчок разве не говорит тебе о том, что все серьезно, сука? ... Ну, я так и думал. Уберешься, значит? ... Нет, я могу еще постоять. Не надо? Мне тоже не надо. Знаешь, там «король-лев» идет... успеть хочу.

Анатолий убирает пистолет обратно. Дерзко так, уходит. Делает шаг, и так как он смотрит все еще назад — туда, где стоит предполагаемая жертва, он спотыкается об стул. И падает. Ситуацию ухудшает то, что он не поставил пистолет обратно на предохранитель.

Раздается выстрел.

Анатолий не орет. Он лежит тихо, хотя все указывает на то, что пуля задела ногу. Под все подразумевается растекающаяся кровь.

Открывается дверь комнаты. Входит Петя.

ПЕТЯ. Ты что творишь?

АНАТОЛИЙ. Я не специально.

ПЕТЯ. Еще бы ты, специально это делал. Это же не дикий запад, чтобы все думали, о, это же нормально, что у нас тут на этаже из оружия стреляют.

АНАТОЛИЙ. Кажется, я сам себя подстрелил-не подстрелил.

ПЕТЯ. А что не орешь тогда?

АНАТОЛИЙ. Потому, что мы не на диком западе. И соседи не привыкли к выстрелам.

ПЕТЯ. А не орешь-то почему?

АНАТОЛИЙ. Я не хочу, чтобы они что-нибудь заподозрили.

ПЕТЯ. Да у тебя кровь.

АНАТОЛИЙ. Только не говори мне, что я умру-не умру.

ПЕТЯ. Ты, правда, себя подстрелил. Как ты умудрился?

АНАТОЛИЙ. Я споткнулся?

ПЕТЯ. Сейчас я, знаешь, про что думаю?

АНАТОЛИЙ. Может, сможешь? Ты же врач.

ПЕТЯ. Я вообще-то на скорой помощи работаю. И тем более, я не на работе.

АНАТОЛИЙ. Ты хотя бы можешь посмотреть, серьезно у меня там все или нет?

ПЕТЯ. Однозначно, не серьезно.

АНАТОЛИЙ. Ты же даже не посмотрел.

ПЕТЯ. А что тут смотреть? Ты же не орешь.

АНАТОЛИЙ. Да я терплю.

ПЕТЯ. Поверь, когда получаешь огнестрел, ты не можешь не орать. Это чертовски больно.

АНАТОЛИЙ. А мне не больно?

ПЕТЯ. Слушай, ты не похож на человека с заниженным или, как там правильно, завышенным болевым порогом.

С этими словами Петя уже режет штанину и смотрит ногу.

АНАТОЛИЙ. И как там? Все плохо?

ПЕТЯ. Да нет. Царапина.

АНАТОЛИЙ. А крови почему так много?

ПЕТЯ. Наверное, потому что ты себя не иголкой поцарапал, а пулей из пистолета... Вот я знаешь, что думаю (Петя уже нашел какой-то пузырек, начинает обрабатывать рану). Потерпи, сейчас будет немного больно.

АНАТОЛИЙ. Что?!!

ПЕТЯ. Что человеческое миролюбие — это знаешь, это не просто там чья-то прихоть. Это механизм защиты людей от самих себя. Не все же такие, как я. Видят оружие, берут его в руки и сразу знают, как себя с ним вести. Многие же такие как ты, оружейные кретины.

АНАТОЛИЙ. Сам ты оружейный кретин.

ПЕТЯ. Если ты миролюбивый, то проходи мимо оружия за километр. Ты даже трогать его не должен. Ты за мир. И за всю эту миролюбивую херню...

Петя уже перевязал Анатолия.

ПЕТЯ. Вот, теперь попробуй встать.

Анатолий встает. Прихрамывает.

АНАТОЛИЙ. А почему я хромаю?

ПЕТЯ. Потому что ты сам себя подстрелил вообще-то.

АНАТОЛИЙ. Ты же сказа, это царапина.

ПЕТЯ. Да, но крови же сколько было.

АНАТОЛИЙ. И как мне с такой царапиной завтра идти?

ПЕТЯ. Как-как? Никак. Не иди просто.

АНАТОЛИЙ. Но я не могу. Мне же денег надо. И я обещал. Он же мне свой пистолет отдал и балаклаву... Может, отойдет еще нога?

ПЕТЯ. Ей бы вообще не надо было отходить, если сам себя не умудрился покалечить. Голос у тебя злой был, когда репитировал. Хоть ты и в шутку говорил.

АНАТОЛИЙ. Это тут при чем?

ПЕТЯ. А при том. При том, что злость — это не лучшее из чувств. Много хороших человек погибло из-за злости.

АНАТОЛИЙ. Мне нужны деньги. Я не могу немного не злиться, когда мне нужны деньги. А теперь как мне идти туда, еще и в балаклаве?

ПЕТЯ. Ну да, а на автомойке ты, конечно теперь будешь самым шустрим сотрудником. Твоей одноногой скорости будет завидовать каждый узбек-коллега.

АНАТОЛИЙ. Ты, что, издеваешься?

ПЕТЯ. Вариант у тебя есть один. Который мы с тобой уже обсуждали.

АНАТОЛИЙ. Я не могу так с Павлом поступить. Я же ему обещал.

ПЕТЯ. А кто узнает?

Долгая пауза.

АНАТОЛИЙ. Хорошо. Я тебе скажу адрес. И можешь даже выстрелить, но не в Олю. Оля мне нравится.

ПЕТЯ. Да я и не собирался в Олю стрелять, я дебил, по-твоему?

Сцена 11

Анатолий и Павлик стоят перед сгоревшим на печи Петей.

ПАВЛИК. Так он, что, пидором был?

АНАТОЛИЙ. Да не был.

ПАВЛИК. Тогда почему он тогда рыдал над пидор-песней?

АНАТОЛИЙ. Потому, что она хорошая.

ПАВЛИК. Да, ты прав. Песня, может, и пидор-песня, но она и, правда, хорошая.

АНАТОЛИЙ... А если она его застрелила?

ПАВЛИК. Так она и так его застрелила.

АНАТОЛИЙ. В смысле, первая на него набросилась и застрелила?

ПАВЛИК. То есть, в ситуации, когда в квартиру вламывается чувак с балаклавой на голове и пистолетом, тычет тебе последним в лоб, ты еще как-то неправ можешь оказаться?

АНАТОЛИЙ. Да, пожалуй, это логично.

ПАВЛИК. Это более, чем логично.

АНАТОЛИЙ. А она что говорит?

ПАВЛИК. Да ничего не говорит. Кроме того, еще она и тут, а не где-нибудь далеко и перепуганная.

АНАТОЛИЙ. Она сожгла Петю, так что ее вряд ли можно назвать перепуганной.

ПАВЛИК. Она бензин любит. И судя по всему, все сжигать теперь тоже любит. Так что по этому нельзя судить, перепуганная она или нет. Она, наверное, когда не перепуганная, будет выигрывать чемпионаты мира по сжиганию людей.

АНАТОЛИЙ. Это же так не миролюбиво.

ПАВЛИК. Конечно, не миролюбиво. Сжигать людей вообще всегда не миролюбиво... Ты знаешь, я впервые рад, что мы живем в новом доме, где еще никто кроме нас не заселился. Произойди это недели на две-три позже, мы бы уже беседовали с жителями. И ввали бы всякую херню про этот жуткий запах сожженного человека... Сейчас чуть подождем. И начнем разламывать Петю. А потом понесем и закопаем где-нибудь. Хорошо, что я хоть работу свою сделал.

АНАТОЛИЙ. Какую работу?

Звонит телефон у Павлика.

ПАВЛИК. Вот эту самую. Я на секунду.

АНАТОЛИЙ. Гребанный сезон-несезон.

Павлик доходит до Оли. Та в противогазе отмывает пол от крови. Противогаз лишает ее маневренности.

ЮРЬИЧ. Я застрелил твое пони. Точнее, твоего. И не застрелил... Нет, застрелил, но из гранатомета. Это же уже не застрелил называется?

ПАВЛИК. Да не мог ты моего пони из гранатомета застрелить.

ЮРЬИЧ. Из гранатомета. Я же обещал.

ПАВЛИК. Я вообще шутил про своего пони.

ЮРЬИЧ. Не шутил. Иначе бы я не застрелил его из гранатомета.

ПАВЛИК. Может я не шутил. Но зачем ты, сука, застрелил моего пони?

ЮРЬИЧ. Ты же явно отправил свою Олю отсюда подальше. Вот я и подумал, что, если и надо кого застрелить из гранатомета, то это должен быть обязательно твой пони.

ПАВЛИК. Да я же все сделал.

ЮРЬИЧ. Нет, не сделал.

ПАВЛИК. Сделал. Как ты и говорил. Квартира восемнадцать. Олег Олегович.

ЮРЬИЧ. Только их там два было. Два Олега Олеговича.

ПАВЛИК. Второй же там дед, который с капельницей в ванной валялся. Это вообще нормально, когда дед валяется в ванной с капельницей?

ЮРЬИЧ. Мне и нужен был дед.

ПАВЛИК. Дед? Вообще-то это не гуманно валить деда.

ЮРЬИЧ. А никто и не говорил о гуманности.

ПАВЛИК. А ты меня вообще не мог предупредить, что тебе нужен дед?

ЮРЬИЧ. Разговор был, что ты завалил в парке Егора, который должен был сделать не самую приятную работенку. Учитывая твое прошлое этого было вполне достаточно, чтобы ты сделал правильные выводы. А ты не сделал.

ПАВЛИК. Да кто стариков вообще мочит? Они же сами от старости умирают.

ЮРЬИЧ. Хочу напомнить, что я застрелил твоего пони. Из гранатомета.

ПАВЛИК. Давно бы уже и деда тогда бы замочил. Раз ты специализируешься на убийствах безобидных существ.

ЮРЬИЧ. Животные — это животные. Дед — это дед. У тебя есть еще и мама с папой. Или, может, тебе плевать на своих маму и папу?

ПАВЛИК. Да ты совсем охренел? Мои мама и папа тут при чем. Тем более, у них теперь траур. Ты застрелили их любимого пони.

Юрьич бросает трубку.

ПАВЛИК(Оле). Ты слышала?

ОЛЯ. Что?

ПАВЛИК. Теперь он застрелит маму с папой.

ОЛЯ. Не слышала. Это из-за чего? Из-за того, что я застрелила того дебила в форме автомойщика? Ну уж прости, что так получилось.... Сама я этого не хотела и не делала.

ПАВЛИК. Как не делала? У него же пуля в голове была.

СЦЕНА 12

Оля стоит с поднятыми вверх руками. Петя в Балаклаве и форме автомойщика с направленным на нее пистолетом.

ОЛЯ. Вот же говно.

ПЕТЯ. Ты хочешь мне что-то сказать?

ОЛЯ. Я уже все сказала.

ПЕТЯ. Это значит, ты мне? Я говно?

ОЛЯ. Нет, я про ситуацию. Ситуация говно.

ПЕТЯ. Да, ситуация говно. Но она могла бы и не быть говном, если бы ты уехала.... А теперь мне надо застрелить тебе башку.

ОЛЯ. Вообще-то прострелить башку.

ПЕТЯ. Ты, что, думаешь, я идиот и не знаю, как правильно говорить? Да я лучше тебя по-русскому языку учился. У меня были одни пятерки. Я знаю что правильно: прострелить башку. Но сегодня особенный день. День, когда я могу сделать кому-нибудь дыру в голове и назвать это застрелить башку.

ОЛЯ. Пожалуйста, не застреливайте мне башку.

ПЕТЯ. И что мне за это будет?

ОЛЯ. А что вы хотите?

ПЕТЯ. А что у тебя есть?

ОЛЯ. У меня ничего нет. Еще у меня Барсика застрелили.... Хотя, зачем я вам говорю, наверное, вы и застрелили.

ПЕТЯ. Барсика, кота в смысле?

ОЛЯ. Да, кота. Ему голову напрочь отстрелили.

ПЕТЯ. Я не чудовище. И не отстреливаю головы котам. Как вообще можно отстреливать головы котам?

ОЛЯ. Из обрезка. Почти в упор. Не то, чтобы Барсик был тупым, но большими размерами головы он никогда не мог похвастаться. Так что обрезка вполне было достаточно, чтобы отстрелить ее напрочь.

ПЕТЯ. Охренеть.

ОЛЯ. Да, полное говно.

ПЕТЯ... Давай чуть ускорим процесс понимания. Мне тоже не хочется тут стоять и долго объяснять тебе, что тебе надо сваливать из города. Сваливай из города, а то и ты будешь без головы.

ОЛЯ. Как Барсик (плачет)?

ПЕТЯ. Да не расстраивайся ты так. Уже все случилось. Барсика нет. И голову ему не вернешь.

ОЛЯ. Я не могу. Это же Барсик.

ПЕТЯ. Видимо, Барсик, оставил после себя глубокий след.

ОЛЯ. И еще я его на печке сожгла. Он не любил по улицам гулять и в могилах ва-л-я-т-ь-с-я!

Оля совсем уж разрыдалась.

ПЕТЯ. А ты можешь не рыдать?

ОЛЯ. Не могу. Это же Барсик. И жизнь вообще говно.

ПЕТЯ. Пожалуйста, не рыдай. И уезжай отсюда, куда-нибудь.

Петя уже сам весь в слезах. Его трогает судьба Оли и Барсика.

ОЛЯ. Я бы с радостью. Но я не могу. Я женщина. И я принадлежу своему мужчине. Так что стреляйте. Буду как Барсик. И кремируйте меня. Не хочу, чтобы меня хоронили. Не люблю я могилы и кладбища.

ПЕТЯ. Не могу я в тебя стрелять.

ОЛЯ. Ну тогда и не стреляйте.

ПЕТЯ. А зачем же я тогда сюда пришел, чтобы только историю про Барсика послушать?.. Уезжай, немедленно!

Петя стреляет рядом с Олей. Выстрела нет. Осечка.

ПЕТЯ. Это осечка?

ОЛЯ. А я откуда знаю? Я в таком не разбираюсь.

ПЕТЯ. Да, это осечка. Ну надо же.

Петя стоит, смотрит, не знает, что предпринять. Оля в таком же положении.

В зале что-то говорит телевизор.

ПЕТЯ. Это, что, король-лев?

ОЛЯ. Я не знаю.

ПЕТЯ. Как не знаешь твой же телевизор?

ОЛЯ. Я даже не успела его посмотреть. Звонок в дверь. И тут вот это вот говно.

ПЕТЯ. Давай за мной. Шаг в шаг. Не хочу, чтобы между нами была дистанция и место для уклонения от пули.

Петя идет спиной вперед с прихожей в зал. Оля идет шаг в шаг. Вытягивает шею. Чтобы заглянуть в зал.

ПЕТЯ. Точно, «Король-лев». И сейчас будет один из моих любимых моментов.

Секунды хватает, чтобы Оля воспользовалась ситуацией и врезала Пете в промежность ногой. Петя сгибается вдвое. Оля с легкостью выхватывает пистолет. Утыкает его в голову Пети.

ОЛЯ. Застрелю башку, застрелю башку. Барсику тоже говорили, застрелю башку.

ПЕТЯ. Хоть целься, хоть нет. У него была осечка.

ОЛЯ. Ну тем более, чего тогда вообще париться. Застрелю башку.

Раздается выстрел. Петя с дырой в голове падает на пол.

ОЛЯ. Вот говно, ты же сказал, он не стреляет.

Сцена 13

Оля в противогазе с тряпкой в крови. Павлик рядом.

ПАВЛИК. То есть, никто из вас, идиотов, не знал, что осечка, это осечка. И она не означает, что оружие полностью неисправно? Ведь тогда бы делали осечку и говорили, оружие полностью не исправно. Но вместо этого говорят просто: осечка.

Из кухни выходит взмокший и хромающий Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Послушайте, я так не могу. Я вообще миролюбивый.

ПАВЛИК. Что там случилось?

АНАТОЛИЙ. Повторюсь-не повторюсь. Я вообще-то миролюбивый, за мир. Из последних сил себя перебарываю. А вы еще и плохо сожгли моего соседа Петю. У него нога не отламывается и из-за этого не влезает в пакет.

СЦЕНА 14

Павлик с Анатолием едут в машине. Павлик за рулем. Анатолий рядом с большим мешком.

АНАТОЛИЙ. А нельзя было его просто в багажник засунуть?

ПАВЛИК. А, если нас остановят?

АНАТОЛИЙ. Ты про гаишников?

ПАВЛИК. Да, я про гаишников.

АНАТОЛИЙ. Ага, и у меня в ногах здоровенный подозрительный пакет.

ПАВЛИК. Да этот здоровенный подозрительный пакет в ногах не выглядит таким уж подозрительным. Подозрительно, когда такой подозрительный пакет лежит в багажнике.

АНАТОЛИЙ. Да, ты прав. Все все подозрительное возят в багажнике. Даже на автомойке, когда машину моешь, и то в багажнике встречаются всякие подозрительные вещи.

ПАВЛИК. Ты их, что открывал? Нам же запрещено.

АНАТОЛИЙ. Нет, конечно, не открывал. Правила есть правила. Но это, все-равно, чертовски подозрительно... А почему мы едем так долго?

ПАВЛИК. Да мы уже доехали почти.

АНАТОЛИЙ. Что-то это не похоже на кладбище.

ПАВЛИК. А мы и не будем его на кладбище закапывать.

АНАТОЛИЙ. Это как вообще. Это же сосед мой и друг, Петя.

ПАВЛИК. Петя твой, как и ты, накосячил. Так что никакого кладбища.

АНАТОЛИЙ. Ну это же Петя. Мы кино смотрели вместе. И он за дочкой моей присматривал.

ПАВЛИК. Хорошо, если тебе, правда, так дорог Петя, давай его закопаем на кладбище. Но без могилы и плиты. И потом каждый день будем ждать новостей про то, что там-то там-то было откопано тело неизвестного. Ты так хочешь?

АНАТОЛИЙ. Я так не хочу.

ПАВЛИК. Ну тогда мы его просто закопаем, и не на кладбище.

АНАТОЛИЙ... ладно.. как ты думаешь, Оля там твоя справится?

ПАВЛИК. Конечно, справится, она же уехала.

АНАТОЛИЙ. Да, но она так уехала. Знаешь, мне показалось, что она нехотя уехала. И куда она вообще уехала?

ПАВЛИК. Да я без понятия. В этом же и прелесть, не знать, куда уехала твоя девушка. А то в противном случае ей отстрелят башку.

АНАТОЛИЙ. Да вроде, как я понимаю, не отстрелят же ей. Отстрелят твоим родителем.

ПАВЛИК. Ты знаешь, что-то верить этим ребятам особо не хочется. У них через день меняется решение, кому из моих близких отстрелить башку. Вот как с пони и гранатометом. Кто вообще знал, что на такое способен человек?

Подъезжают к какому-то большому частному дому.

АНАТОЛИЙ. Мы что, тут будем хоронить-не хоронить Петю?

ПАВЛИК. Скорее, я бы назвал это промежуточными делами.

АНАТОЛИЙ. У меня в руках Петя. Какие еще промежуточные дела?

СЦЕНА 15

Мама и Папа едят за большим обеденным столом. Красиво режут мясо у себя в тарелках.

Павлик и Анатолий стоят по другую сторону.

ПАВЛИК(опешив). Вы, правда, его едите?

МАМА. Ну, он умер. Конечно едим.

ПАПА(рассказывает с удовольствием). Ну как умер, его голову разорвало на части. Большие куски разлетелись в радиусе пятнадцати, примерное, метров.

МАМА. Ну не при сыне же рассказывать такое в красках. Он же его любил.

ПАПА. Любил-не любил, но его так разорвало на части... Какой-то меткий молодец, видимо, выстрелил из гранатомета.

ПАВЛИК. А вы в полицию хоть звонили?

МАМА. Не звонили. Это не такие важные дела, чтобы звонить в полицию.

ПАПА. Ну как этот молодец бабахнул из гранатомета... Ловкий малый.

ПАВЛИК. Ты его видел?

ПАПА. Не видел. Но он пони гранатометом оторвал голову. Так что явно ловкий малый.

МАМА. Ты, может, нам представишь своего друга?

АНАТОЛИЙ. Анатолий.

МАМА. Анатолий? Вы не татарин, что ли?

АНАТОЛИЙ. Татарин, но зовут меня Анатолий. Я же в России живу.

ПАПА(маме). Да расслабься ты, он не первый татарин с русскими именем.

МАМА. Анатолий, не хотите ли вы отведать этого чудного мяса?

АНАТОЛИЙ. Мясо пони?

МАМА, Да, мясо пони. Вообще не все едят пони, но, уверяю вас, вкусное мясо.

АНАТОЛИЙ. Все нормально. Я же татарин. А татары постоянно лошадей едят. Так что я с удовольствием попробую мясо.

МАМА. Сын, а ты?

ПАВЛИК. Своего любимого пони? Нет уж.

Мама уходит.

ПАПА. Близко выстрелить из гранатомета нельзя. Выхлоп большой плюс разлет осколков. Далеко — слишком не прицелишься. Этот парень, явно знал, что делал.

ПАВЛИК. Папа, не хочется тебя расстраивать, но это для вас и меня предупреждение. Вам, надо выехать.

ПАПА. Нет уморил. До этого, с твоей прежней работой постоянно такая ерунда была. Но все же нормально, мы все целые.

ПАВЛИК. Папа, но на этот раз все серьезно.

ПАПА. Если он взорвал твоего любимого пони, это еще не значит, что все серьезно. Просто ты теперь там не работаешь и тебе все маленькое кажется большим.

ПАВЛИК. Папа, ну послушай ты меня.

ПАПА. Нет, ты послушай. Это мой дом. Это моя семья. У нас все хорошо. И какие-то там идиоты не смогут меня напугать. Я чертов военный.

ПАВЛИК. Бывший военный.

ПАПА. Да, только у этого бывшего военного везде оружие припрятано.

Папа из-под стола вытаскивает короткий дробовик.

Приходит Мама с тарелкой и мясом. Ставит рядом с Анатолием.

МАМА(папе).Ну опять ты хвастаешься.

ПАПА. Ну, а почему бы и нет? А то у молодого поколения нечто похожее на панику. Сын, вон, говорит, убить нас могут.

МАМА(смеется). Ну, да и это самое страшное из всего, что может быть (Анатолию). Сын, когда наш, на прошлой работе работал, нам такое каждый день обещали.

ПАВЛИК. Мама, вам надо уехать.

МАМА (смеется). Насмешил. Правда, насмешил, так насмешил.

АНАТОЛИЙ(про мясо). Очень вкусно. Даже более, чем. Уверен, это бы даже татары не татары оценили.

ПАВЛИК. Это был мой пони. Мой чертов, любимый пони. А вы теперь его жрете. И еще умудряетесь говорить о том, какой он вкусный.

ПАПА. Он и в жизни был хорошим. И после смерти тоже. Уверен, новость о том, что он чертовски невкусный, радовала бы тебя меньше.

МАМА. Только гадил много.

ПАПА. Да все пони гадят много. Это же целая лошадь, пусть и маленькая.

МАМА Но наш в особенности. Он же толстый был.

ПАВЛИК. Охренеть, вы серьезно? Так про моего любимого пони говорить?.. Если вам поотстреливают головы, вы должны знать я вас, мать вашу, предупреждал(Анатолию) Пошли отсюда.

АНАТОЛИЙ. Нет, ну дай хоть доесть. Вкусно-не вкусно же.

Сцена 16

Павлик и Анатолий садятся в машину вечером.

Павлик заводит двигатель.

ПАВЛИК. Ну и как тебе?

АНАТОЛИЙ. Обалденно.

ПАВЛИК. Мы об одном и том же сейчас с тобой говорим?

АНАТОЛИЙ. Мясо. Обалденно.

ПАВЛИК. Вообще я про родителей своих. И не говори больше ничего про моего пони Я его любил не для того, чтобы ты его сожрал.

АНАТОЛИЙ. Я его не сожрал.

ПАВЛИК. А что ты сделал, мать твою, облизывал его, что ли?

АНАТОЛИЙ. Я его ел. Просто ел. А не сожрал. Сожрал— это, когда полностью съел пони. Я просто чуть-чуть. У тебя что вообще по русскому языку было?

ПАВЛИК. Ты серьезно? Я же из нас двоих русский.

АНАТОЛИЙ. Я тоже русский. Просто татарин. И по русскому у меня пять была. Твердая. Видимо, в отличие-не отличие от тебя.

ПАВЛИК. Ладно, но больше не говори про моего пони. Царствие небесное, пони.

АНАТОЛИЙ. Я не уверен, что у них там, у пони есть рай-не рай.

ПАВЛИК. Я же просил тебя, больше не говорить про моего пони.

АНАТОЛИЙ. Да, но царствие небесное. Да я на автомойке в этот сезон-не сезон и то не говорю про Царствие небесное... Ты же, тем более, вообще не верующий.

ПАВЛИК. Я же должен был как-то про него успокаивающе сказать.

АНАТОЛИЙ. Успокаивающее? Да ты знаешь «царствие небесное» в отношении пони вообще не звучит успокаивающе.

Павлик очень злобно смотрит на Анатолия.

АНАТОЛИЙ. Все. Понял, больше никаких разговоров про пони. Хотя и хороший он был.

Павлик испытывающе смотрит на Анатолия. Затем трогается с места.

ПАВЛИК. Мои родители, они не пробиваемые. Хотя, все происходящее: Барсик без головы, пони без головы — все это не похоже на шутки.

АНАТОЛИЙ. Ты знаешь, у меня такое подозрение, что твоя работа... Я про прошлую. Сильно повлияла на их отношение ко всякого рода неприятностям. И это заметно.

ПАВЛИК. Вообще-то их убить хотят. Этого не всякого рода неприятности.

АНАТОЛИЙ. А мне вот почему-то показалось, что раньше их постоянно убивать хотели.

Последнюю фразу Павлик уже не слышит. Он что-то увидел на дороге. Потом уже смотрел в боковое зеркало.

АНАТОЛИЙ. Что там такое?

ПАВЛИК. Не оглядывайся.

Анатолий слушается и не оглядывается.

АНАТОЛИЙ. Что там? Нас убить хотят? Чертов сезон-не сезон. Мне, что, соседа моего мало? Да не мало мне ни хрена. И я вообще миролюбивый!

ПАВЛИК. Нормально все. Просто не оглядывайся.

Павлик сворачивает с дороги. Чуть проехав, останавливается. Это частный сектор. Впрочем, это и был частный сектор. Ведь они были у родителей, которые живут в частном секторе. Глушит машину.

АНАТОЛИЙ. А уже можно спросить-не спросить?

ПАВЛИК. Нет. Еще не прошло два часа.

АНАТОЛИЙ. А по моим уже прошло. Ровно два часа, как мы тут в тишине сидим.

ПАВЛИК. Твои спешат.

АНАТОЛИЙ. Да какая разница, спешат они или нет. Спешат — это не точное время показываю. Но это же не значит, что я по ним не могу проследить, прошло два часа или нет. Опять так и хочется спросить, что у тебя было по русскому языку.

ПАВЛИК. Да все нормально у меня было по русскому языку! Поэтому я знаю, что если часы спешат, то это, мать его, еще как влияет на определение, сколько прошло времени.

АНАТОЛИЙ. Все, понял. Не злишь ты так.... Я просто два часа приплюсовал к тому времени, когда мы сюда заехали. За два часа они, максимум, ну секунду больше показали-не показали... И у меня там дочка. Я ее папа, забыл? И сосед мой теперь все время в этом мешке(пинает под ногами мешок). Мы когда его уже хоть куда-нибудь пристроим?

ПАВЛИК. Не время еще (смотрит на часы)...А вот теперь да. Ну, что, ты готов?

АНАТОЛИЙ Конечно нет, а куда готов?

ПАВЛИК. Я видел этого пидора.

АНАТОЛИЙ. Какого, прямо настоящего?

ПАВЛИК. Не знаю. Настоящий он пидор или нет, но я его видел. Этот мудака, похоже, тут живет. Какая наглость, скажу я тебе. Через три дома жить от моих родителей и еще взрывать их пони. Этот как-то, знаешь, не по-соседски.

АНАТОЛИЙ. Неужели ты про того-не того, который отстрелил голову твоему Барсику?

ПАВЛИК. Ладно, Барсику, но и пони же тоже, причем из гранатомета. И, если так разобраться, то и соседа твоего нет тоже из-за него.

АНАТОЛИЙ. Ну тогда не может такого быть.

ПАВЛИК. Чтобы это все сделал один человек? Так-то, конечно, не может, если он не пидор. А он пидор. Пидоры — это такие твари, которые могут все.

АНАТОЛИЙ. Ты же сказал, что он вроде, как не один из этих.

ПАВЛИК. Ну, в прямом смысле, может и нет, но в переносном тоже. Только пидор мог это все сделать.

АНАТОЛИИ. Я и говорю, что тогда не может такого быть.

ПАВЛИК. А я говорю, может. Он же пидор. Пидоры в место, предназначенное для выброса говна, могут член засовывать, а ты говоришь, не могут.

АНАТОЛИЙ. Я про то, что, ну не может быть, чтобы человек, который так жизнь испортил тебе и твоим родителям, жил всего в трех домах от них

ПАВЛИК. Ты, что думаешь, у меня с глазами что-то? Да у меня зрение стопроцентное. Как прихожу к окулисту, так он мне каждый раз хочет написать двести процентов.

АНАТОЛИЙ. Не бывает двести процентов. У тебя точно нормально было по русскому языку?

ПАВЛИК. Еще как бывает. Это когда под нижний ряд еще более мелкие кладут. Я, как увеличительное стекло.

АНАТОЛИЙ. Может, поедем похороним Петю вначале?

ПАВЛИК. Да, и упустим возможность?

АНАТОЛИЙ. А это тут при чем? Соседа не он у меня убил. Хотя и из-за него, конечно... Но, вообще, если так разобраться и из-за меня тоже. Мне же деньги нужны были. Хотя, нет, я никуда не готов идти. Если только денег мне не заплатишь.

ПАВЛИК. А ты чего корыстный такой?

АНАТОЛИЙ. А что мне остается? У меня же дочь подрастает. Тем более, теперь без соседа. Мне теперь еще и нянька нужна.

ПАВЛИК. И сколько ты хочешь?

АНАТОЛИЙ. Ну, удвой для начала.

ПАВЛИК... Ладно.

АНАТОЛИЙ. И стрелять я в него не буду, если это он, конечно. Сам стреляй, он же твоим питомцам бошки отстреливает.

ПАВЛИК. Ладно.

Павлик почти вылезает уже из машины.

АНАТОЛИЙ. А что мы вообще туда тремся? Думаешь, у него нет охраны? Или ты решил еще и всю охрану перевалить?

ПАВЛИК. Может и нет, охраны. Если он крутой, то, возможно, думает, что настолько крутой, что не держит охрану.

Павлик выходит из машины. Анатолий следом. Тихонько они подходят к дому. Открывают калитку. Та не закрыта. Тихонько проходят внутрь. Охраны нет. В самый неприятный момент обнаруживается, что во дворе здоровенный тигр в клетке. Спит. Темно, не понятно, какого цвета тигр.

АНАТОЛИЙ. Господи, это что, тигр-нетигр?

ПАВЛИК. Тихо ты. Или ты хочешь, чтобы он проснулся?.. Прямо как у меня на картине.

АНАТОЛИЙ. На какой картине? Тебе с этого тигра кто-то картину рисовал?

ПАВЛИК. Писал. Разве правильно не писал?

АНАТОЛИЙ. Да, правильно писал, а не рисовал. Ты думаешь я это не знаю, со своей-то оценкой по русскому языку? И это еще при том, что я татарин? Да я, как татарин стремился вообще всем доказать, что лучше татар русский язык никто не знает.

ПАВЛИК. Дома у меня картина висит. Там тигр. Правда, зеленого цвета.

АНАТОЛИЙ. Да таких же не бывает.

ПАВЛИК. Ладно, пошли уже внутрь. Мы не в зоопарк пришли и денег не платили.

Заходят внутрь дома. Входная дверь спокойно открывается.

АНАТОЛИЙ. А он, смотрю, уверен в себе.

ПАВЛИК. Если бы у меня во дворе жил тигр, я бы тоже был в себе уверен. И охрану не ставил. Это же тигр.

АНАТОЛИЙ. А ты вообще знаешь, что символизирует тигр?

ПАВЛИК. Силу, конечно. Это же тигр.

АНАТОЛИЙ. Ну так, наверное, да. Но у узкоглазых другое.

ПАВЛИК. У татар другое?

АНАТОЛИЙ. При чем тут татары?

ПАВЛИК. При том, что татары узкоглазые. Не были бы татары узкоглазые, были бы они уже загоревшими русскими.

АНАТОЛИЙ. Мы же в России живем. В России никто не называет узкоглазыми татар. Я про китайцев. Узкоглазые — это международное оскорбление китайцев.

ПАВЛИК. А японцы?

АНАТОЛИЙ. Да какие японцы узкоглазые? Они же одновременно и узкоглазые и с широко открытыми глазами. Так что узкоглазые — это только китайцы.

ПАВЛИК. Понял, ты про китайцев. И что у них символизирует тигр?

АНАТОЛИЙ. Так я тебе и сказал-не сказала. В интернет, как-нибудь загляни.

Поиски по дому приводят их в комнату, где на диване спит Юрьич. Юрьич почему-то спит в шапке-ушанке.

Павлик подходит максимально близко. Вглядывается в лицо. Вытаскивает пистолет. Хочет взвести курок, не отрывая взгляда от Юрьича. Но тут его одергивает Анатолий. Всем видом показывает, что надо выйти из комнаты и поговорить.

Выходят из комнаты. Шепотом разговаривают.

АНАТОЛИЙ. Я так понимаю, ты его хочешь застрелить?

ПАВЛИК. Конечно хочу. Он же застрелил моего Барсика и пони. И не просто застрелил, а поотстреливал им головы.

АНАТОЛИЙ. А, может, ты это сделаешь, как-нибудь в другой раз?

ПАВЛИК. В какой другой раз? Мы же уже пробрались в дом. Вот он.

АНАТОЛИЙ. Ну я же миролюбивый, ты же помнишь? Я плохо переношу-не переношу насилие.

ПАВЛИК. Тогда тут постой. Я быстро все сделаю.

Павлик было уходит к спящему Юрьичу.

АНАТОЛИЙ. А потише никак нельзя?

ПАВЛИК. Как тише, это же выстрел.

АНАТОЛИЙ. Ну, через подушку, хотя бы.

ПАВЛИК. Это не намного тише будет.

АНАТОЛИЙ. Но, все же, тише?

ПАВЛИК. Ну, тише, конечно. Все же, через подушку... А зачем вообще тише?

АНАТОЛИЙ. Я понимаю, что в доме никого нет. Он тут один, вроде. Но вдруг какое-нибудь обстоятельство. Или, знаешь, есть у него тут какое-то секретное-не секретное место, где сидят его ребята, может, там в карты играют. И вот в такой вот ситуации они слышат выстрел. Ладно ты. Ты же выстрелил, ты же знал, на что идешь. Но я-то тут вообще, можно сказать не при чем... Даже, если у меня будет здоровенный в пол неба транспорт-нетранспорт, на котором будет написано: я тут не причем... В общем, я не думаю что он поможет мне и парням, которых тут, как бы, нет, разобраться в ситуации. Они просто меня застрелят. И ты, знаешь, черт с ним, застрелят там. Но у меня же дочка. И соседа теперь нет. Кто за ней будет присматривать?

Павлик смотрит на Анатолия. Недовольно выходит из комнаты в третью. Возвращается с подушкой.

ПАВЛИК. Вот такая подойдет?

АНАТОЛИЙ. Более, чем. А, вообще, конечно, интересно, какое перо сильнее задерживает пулю. Куриное, гусиное...

ПАВЛИК. Что-то я сомневаюсь, что в подушках бывает куриное перо. Я слышал только про гусиное.

АНАТОЛИЙ. Я тоже слышал только про гусиное. Но это логично что, если есть гусиное в подушках, то должно быть и куриное. Понимаю, что курица — более тупое животное, чем гусь. Но нельзя же только этим руководствоваться, когда набиваешь подушку. Это же чертова дискриминация.

ПАВЛИК. Черт тебя возьми, я же сейчас человека убивать буду. Можно без этой херни?

АНАТОЛИЙ. Да, ты прав-не прав. Извини.

ПАВЛИК. Тут стой. И под стой, подразумеваю именно тут и стой. Если что свисти. Напомню, что я тебе за это денег плачу.

Павлик с подушкой проходит к Юрьичу. Тот так и спит. Павлик тихонько взводит курок. Аккуратно прикладывает подушку к голове Юрьича. Пистолет к подушке.

Вот-вот настанет долгожданный момент... Но тут что-то шевелится под одеялом Юрьича.

Павлик не может за этим не наблюдать. Из-под одеяла вылезает сонный кот.

Павлик, кажется, принимает для себя новое решение. Кладет подушку рядом. И забирает сонного Кота. Тот не сопротивляется, видимо, еще не поняв, что находится в чужих руках. Или, может, ему, как и многим котам, плевать, кто его держит в руках.

Павлик выходит в комнату с Анатолием.

Разговор идет шепотом.

АНАТОЛИЙ. А где выстрел?

ПАВЛИК. Уходим.

АНАТОЛИЙ. Это что, кот?

ПАВЛИК. А ты не видишь? И потише можно?

АНАТОЛИЙ. Я и так шепотом-не шепотом.

ПАВЛИК. Тихим шепотом можно?

АНАТОЛИЙ. На хера тебе кот?

ПАВЛИК. Вылезем, потом расскажу.

АНАТОЛИЙ. А нельзя было просто этого мужика застрелить?

ПАВЛИК. У меня появилась идея получше.

АНАТОЛИЙ. Да какая идея получше? Застрелить мужика и дело с концом.

ПАВЛИК. Подожди, подожди, ты же миролюбивый.

АНАТОЛИЙ. Да, я миролюбивый.

ПАВЛИК. Почему ты тогда такой кровожадный?

АНАТОЛИЙ. Да потому что, застрелить этого мужика и дело с концом. А теперь еще и с котом этим возиться. А вдруг он гадить будет, где попало.

ПАВЛИК. Не волнуйся, он с нами не надолго.

АНАТОЛИЙ. Это, как понимать?

ПАВЛИК. Он скоро в ад попадет.

АНАТОЛИЙ. Это кот-то и в ад? Что он такого сделал, что сразу ад? Если, конечно, у котов он вообще есть.

ПАВЛИК. Ну, он с этим пидором живет.

АНАТОЛИЙ. Он за это не попадет в ад. Он же с ним не спаривался. Не спаривался же?

ПАВЛИК. Что за идиотские вопросы? Уходим, все.

АНАТОЛИЙ. Не хочу.

ПАВЛИК. Что не хочешь?

АНАТОЛИЙ. Не хочу уходить, когда этот мудака все еще дышит.

ПАВЛИК. Да что с тобой, ты же миролюбивый.

АНАТОЛИЙ. Да, я миролюбивый-не миролюбивый. С одной стороны чаши моя склонность к миролюбию, с другой стороны моя денежная зависимость.

ПАВЛИК. Никакой больше денежной зависимости не будет. Я все выплачу. Обещаю.

АНАТОЛИЙ. Да не в этом дело. Вот ты думаешь, мне много надо денег? Да мне вообще ни хрена не надо.

ПАВЛИК. А как же твоя дочка?

АНАТОЛИЙ. Да все нормально будет с дочкой. Не умрет она от голода. Это только мне кажется, что она умрет от голода. Мне нельзя предлагать деньги. Я же никогда не отказываюсь. Вот ты же его сейчас не застрелишь, значит опять мне предложишь какую-нибудь херню, за которую заплатишь денег. И я же не откажусь. Потому что я такой. Мне интересно, когда мне предлагают денег. А у меня же дочка. Меня же могут так и застрелить... Так что надо его застрелить и дело с концом.

ПАВЛИК. ...Тогда с котом не получится.

АНАТОЛИЙ. Что с котом не получится?

ПАВЛИК. Да все не получится. Вот ты думаешь мне легко дался выбор или его или кота?

АНАТОЛИЙ. Блин, ну я же сердцем чую. Ты опять мне предложишь денег-не денег. И чую, что достанется уже не моему соседу, а мне.

ПАВЛИК. Да все будет нормально.

АНАТОЛИЙ. Ага, когда я на автомойку устраивался, мне тоже все говорили, что все будет нормально. А тут- бам! - сразу же сезон-не сезон.

ПАВЛИК... Ну ладно, иди.

АНАТОЛИЙ. Что?

ПАВЛИК. Ну иди, говорю, застрели этого пидора.

АНАТОЛИЙ. А как же твоя затея с котом?

ПАВЛИК. Да плевать на затею с котом. У тебя же дочка. Я не хочу, чтобы тебя застрелили по моей вине и чтобы я с этим мучился.

АНАТОЛИЙ. Ладно, я пошел.

Анатолий идет к комнате Юрьича. Но возвращается за подушкой.

АНАТОЛИЙ. Глушитель забыл... Слушай, а, мне со своего надо обязательно стрелять или можно с твоего?

ПАВЛИК. У тебя нет своего.

АНАТОЛИЙ. Ну, я имею ввиду с того, который у меня, или можно с того, который у тебя?

ПАВЛИК. Стреляй со своего.

АНАТОЛИЙ. Ага. Но у него же бываю осечки-не осечки.

ПАВЛИК. Он вообще спит. Ну, подумаешь, будет осечка. Тебе хватит и второй раз выстрелить. Хотя, вероятность повторной осечки не такая уж и большая, понимаешь?

АНАТОЛИЙ. Ладно, ты прав. Хотя, понятно, что свой крутой ствол ты просто зажал. Не хочешь, чтобы я кровожадно пострелял из твоего ствола.

Анатолий с подушкой крадется до Юрьича. Подушку прикладывает к пистолету. Отворачивает лицо. Готов выстрелить и... возвращается в комнату с Павликом.

ПАВЛИК. А где выстрел?

АНАТОЛИЙ. Да какого черта-не черта? Я же миролюбивый. До меня вдруг опять дошло. До самых кончиков. Тем более, тогда не удастся затея с твоим новым котом.

ПАВЛИК. А как же дочурка, которая может остаться без папы?

АНАТОЛИЙ. Не приятно это осознать, но я не могу пересилить свою тягу к миролюбию. Держать оружие в руке могу, даже взвести курок могу. Но вот выстрелить в упор в голову в спящего незнакомого мне человека, я почему-то не могу. Со мной явно что-то не так. И вообще, я знаешь, о чем уже начинаю думать? О том, что все это еще, наверное, затянется и ты опять предложишь мне денег. А деньги это всегда хорошо... И кот на вид, смотрю, такой прикольный.

ПАВЛИК. Да, ничего такой.

АНАТОЛИЙ. А как его зовут, ты знаешь?

ПАВЛИК. Не знаю. Но знаю, что не Барсик. Давай уже валить отсюда.

АНАТОЛИЙ. Да, неплохо бы уже и свалить. А то мы и так проводим свое свободное время не самым законным образом. Врываемся в частную собственность, воруем котов... И шептать... Мне уже надоело шептать.

Выходят из дома. Проходят мимо Тигра. Тот спит.

АНАТОЛИЙ. Ну надо же, тигр.

ПАВЛИК. Можно подумать, ты их никогда не видел. В особенности меньше часа назад

АНАТОЛИЙ. Из-за того, что видел мне нельзя вновь удивиться этому факту? И кстати, тебе не кажется, что он зеленый-не зеленый.

ПАВЛИК. Я же тебе сам про картину с зеленым тигром рассказал... Ночь же на дворе. Тут не понятно, зеленый он или нет. Понятно, что темный.

АНАТОЛИЙ. Это понятно. Но что-то он не сильно на желто-черного тигра похож.

ПАВЛИК. Но и не зеленый же. Таких не бывает. Только на картинах.

АНАТОЛИЙ. А я и не утверждаю, что он такой. Просто похож. Может, посветим?

ПАВЛИК. И разбудим его? Пусть спит.

АНАТОЛИЙ. Странно, конечно он себя ведет. Не чувствительный ни хрена. Почему он вообще не вскочил не порычал на нас? Наверняка этот дебил его чем-то таким кормит, из-за чего он такой заторможенный. Спит поди сутками напролет.

ПАВЛИК. Как и все коты... Пошли уже.

АНАТОЛИЙ. Может, его тогда застрелить-не застрелить?

ПАВЛИК. Хочешь тигра застрелить?

АНАТОЛИЙ. Нет, я миролюбивый и, кажется, мы недавно с тобой в этом вдвоем убедились. Я не смогу в тигра выстрелить. А вот ты сможешь.

ПАВЛИК. Зачем мне в тигра стрелять?

АНАТОЛИЙ. Ну он же в твоего пони выстрелил и оставил его без башки и шансов на выживание.

ПАВЛИК. Нет, в тигра я не могу. Тем более не понятно, любит он его или нет.

АНАТОЛИЙ. Чего не понятного. У него во дворе. В клетке.

ПАВЛИК. В клетке, это не значит, что любит.

АНАТОЛИЙ. А что ему, вместе с ним в обнимку в кровати спать, чтобы всем показывать, что он его любит? Это же тигр. Он же здоровый и людей жрет.

ПАВЛИК. Максимум, отпустить.

АНАТОЛИЙ. И что это даст, отпустить? Откроем мы клетку, а если это тигр-дебил? Посмотрит он на открытую клетку и опять завалится спать-не спать.

ПАВЛИК. Это максимум.

АНАТОЛИЙ. Ну такой, максимум и я могу сделать.

Анатолий открывает клетку.

АНАТОЛИЙ. Не думаю, что нам теперь нужно здесь оставаться.

ПАВЛИК. Херня какая-то бесполезная.

Уходят. Добираются до машины. Садятся внутрь.

Останки Пети мешают Анатолию нормально сидеть.

АНАТОЛИЙ. И Петю бы уже пора предать земле.

ПАВЛИК. Предадим.

АНАТОЛИЙ. А можно мне кота подержать?

ПАВЛИК. Зачем?

АНАТОЛИЙ. Ну, ты за рулем-не за рулем. Он же мешать будет.

Павлик передает кота Анатолию. Заводит машину.

АНАТОЛИЙ. А прикольный кот.

Машина трогается с места.

Сцена 17

Недалеко от реки. Павлик копает яму. Вернее, пытается это сделать. Анатолий стоит рядом, держит в руках кота. Павлик натывается на камни. И вообще, ему это уже надоело. Копание длится уже явно давно.

АНАТОЛИЙ. И такой спокойный. И пушистый и мягкий.

ПАВЛИК. В данном случае пушистый и мягкий это одно и то же. Опять эти гребанные камни!

АНАТОЛИЙ. Вот такие должны быть настоящие коты.

ПАВЛИК. Куда не плюнь, везде камни!.. Может, поможешь? А то только и делаешь, что держишь этого кота.

АНАТОЛИЙ. Гарика.

ПАВЛИК. Кого? Ты дал ему имя? Не давай ему имя.

АНАТОЛИЙ. Почему не давать. Он же у меня, я его держу. Гарик.

ПАВЛИК. Помогите, черт тебя бери. Не видишь, что я уже нервничаю?

АНАТОЛИЙ. Вообще-то твоя очередь. Ты и копай. Прощую яму я пробовал рыть. Но не получилось. Там были везде камни. И тут тоже. Даже, если бы я захотел, что мне пробовать копать? Камни.

ПАВЛИК. Ну, в сторону чуть покопай.

АНАТОЛИЙ. На двух прошлых ты тоже в сторону копал. И там тоже были везде камни. Так что я не вижу смысла.

ПАВЛИК. Тут поможет только чертов экскаватор.

АНАТОЛИЙ. Где мы найдем посреди ночи экскаватор-не экскаватор?

ПАВЛИК. Я же не всерьез. Какой на хрен экскаватор? Водителю экскаватора скажем: мы не долго, только Петю похороним?

АНАТОЛИЙ. Надо ехать дальше и там пробовать копать.

ПАВЛИК. Всю ночь убить на рытье могил? А как же кот?

АНАТОЛИЙ. С котом все нормально. Он, видишь, какой спокойный. Наверное, ему новое имя его нравится.

ПАВЛИК(бесится). Вообще-то в мешке, мать твою, твой друг.

АНАТОЛИЙ. Друг мой. И я бы сам похоронил друга. Но на кладбище. А ты там не разрешаешь хоронить. А тут мы копаем по очереди. Так что копай... Гарик, какой классный Гарик.

ПАВЛИК. Тут почва такая. Только экскаватор... Ладно. Ладно, я знаю, что нужно делать. Постоишь тут?

АНАТОЛИЙ. С Гариком?

ПАВЛИК. Да, с Гариком постоишь?

АНАТОЛИЙ. С Гариком постою. Только не долго.

ПАВЛИК. Ладно, я не долго.

Павлик залезает в машину.

АНАТОЛИЙ. И ты же не оставишь меня одного тут?

ПАВЛИК. Конечно нет, у тебя же кот.

АНАТОЛИЙ. Да, ты прав, идиотский вопрос, извини.

Павлик на машине отъезжает вперед. К крутому берегу реки. Что-то проделав, выкидывает мешок с остатками Пети в реку.

Анатолий видит это все со своего места. Он замер, как вкопанный. Автомобиль подъезжает обратно. Вылезает Павлик.

АНАТОЛИЙ. Я что-то не понял смысла.

ПАВЛИК. А что тут понимать?

АНАТОЛИЙ. Ты выкинул Петю?

ПАВЛИК. Не Петю, а то, что от него осталось.

АНАТОЛИЙ. Ты выкинул то, что осталось от Пети в реку?

ПАВЛИК. Да выкинул. Но волноваться не стоит. Я пару железяк примотал. Так что Петя, точнее его останки, плавать по реке не будет. Если ты из-за этого, конечно, волнуешься.

АНАТОЛИЙ. Да так же не честно Мы же должны были его похоронить-не похоронить.

ПАВЛИК. Ну, мы и похоронили. Только на дне реки.

АНАТОЛИЙ. Не по-христиански же это.

ПАВЛИК. Слушай, вообще-то Оля уже его кремировала. В домашних условиях. Так что, в любом случае, не по-христиански.

АНАТОЛИЙ. Жесть какая. А как мне теперь к нему на могилку ходить?

ПАВЛИК. Ты бы ходил к нему на могилку?

АНАТОЛИЙ Конечно, ходил. Он же мой сосед был. И за дочкой присматривал. И вообще, ничего так, мужик был. Мне теперь к нему, что, в летний сезон только подплывать? А зимой, а осенью как? Я вообще не морж ни хрена. Я могу только летом.

ПАВЛИК. Да кто про это вообще думает, когда от тела избавляется в реке?

АНАТОЛИЙ. Мы теперь это называем от тела избавляться? Он же не преступник какой-то. Сосед мой.

Павлик садится в машину. Разговаривает через открытую дверь.

ПАВЛИК. Ты едешь?

АНАТОЛИЙ. Да куда я теперь не поеду. Раз с соседями-не соседями такое делаешь? Да я даже плаваю плохо. Мог бы и уточнить этот момент-не момент перед тем, как его в воду скидывать.

ПАВЛИК. Я заплачу.

АНАТОЛИЙ. Мне слышалось?

ПАВЛИК. Заплачу, говорю.

АНАТОЛИЙ. За что?

ПАВЛИК. За то, что неудачно похоронил твоего соседа.

АНАТОЛИЙ. Это нечетный прием.

ПАВЛИК. Едешь, нет?

АНАТОЛИЙ. Еду, конечно. Но ты хотя бы на карте отметь, куда мне плавать, и его навещать. Я в картах не силен.

ПАВЛИК. У тебя же пять по русскому языку.

АНАТОЛИЙ. Это что, значит, я в картах должен быть силен? Я вообще татарин, мне дальше Татарстана и знать ничего не надо.

Анатолий вместе с котом садится в машину.

АНАТОЛИЙ. А если, он всплывет?

ПАВЛИК. Типа кто-то по отпечатку зубов определит личность или по анализу ДНК? Да не смеши.

АНАТОЛИЙ. А скелеты вообще всплывают?

ПАВЛИК. Сомневаюсь сильно.

Машина трогается с места.

АНАТОЛИЙ. Все, к тебе за деньгами, а потом по домам?

ПАВЛИК. С котом еще провернем кое-что. И по домам. Спать.

АНАТОЛИЙ. С Гариком хочешь что-то проверить-не проверить?

ПАВЛИК. Не называй его так. Это просто кот, понял. И никакой не Гарик... и, кстати, я пока выкидывал Петю в реку, посмотрел, про тигра узкоглазых.

Квартира Оли. Зал.

Кот спокойно сидит и смотрит на дуло пистолета, направленное прямо на него.
Пистолет Егора. Анатолий снимает на телефон. Павлик в роли палача.

АНАТОЛИЙ. Слушай, я не могу.

ПАВЛИК. Не ной тряпка.

АНАТОЛИЙ. Тебе хорошо, тебе его просто застрелить надо. А я это еще и снимаю на телефон.

ПАВЛИК. А как по-другому?

АНАТОЛИЙ. Вообще в него не стреляй. Это же Гарик, Гарик классный.

ПАВЛИК. Сам виноват, что назвал его Гариком. Просил же не называть.

АНАТОЛИЙ. А ты мог мне раньше сказать, что хочешь отстрелить ему башку. Я бы, может, тогда его никак и не называл. А теперь это Гарик

ПАВЛИК. Так надо, давай снимай.

АНАТОЛИЙ. Да не хочу я... И вообще, ни что меня не заставит это снимать.

Анатолий опускает телефон.

ПАВЛИК. Я денег дам.

АНАТОЛИЙ. Что?

ПАВЛИК. Говорю, денег дам.

АНАТОЛИЙ. Да когда они у тебя закончатся?

Анатолий начинает снимать кота.

АНАТОЛИЙ. Я, конечно, не режиссер. Но, если на то пошло, то твоя пушка будет эффективнее смотреться в кадре, чем моя.

ПАВЛИК. У тебя нет твоей пушки. Есть только та, которую я тебе давал погонять

АНАТОЛИЙ. Ну, все-равно, дал-не дал. Какая разница. Если уж на то пошло, шмаляй из своей., которая прямо вообще твоя притвоя.

ПАВЛИК. Нет, из нее не буду. Она покрупнее и тяжелее. Она точно оторвет башку коту.

АНАТОЛИЙ. А ты разве не этого добиваешься? Ты же вроде хочешь тому мудаку показать-не показать видео с котом, которому ты отстреливаешь бошку.

ПАВЛИК. Все правильно. Хочу. Причем, пиздец, как хочу.. Но есть второй фактор.

АНАТОЛИЙ. Это какой?

ПАВЛИК. Если я из своей шмальну, то тут без вариантов, кошачьи мозги будут на обоях. А если, из этого, то тут пятьдесят на пятьдесят. А это немаловажно, если учитывать, что я хочу отдаться на валю случая.

АНАТОЛИЙ. Из-за за осечек? У этого бывают осечки?

ПАВЛИК. Нет, не из-за этого. А из-за того, что если мозги попадут на обои, мы с Олей покупаем тканевые. И клеим их, когда вся эта мутотень закончится. А если, не разлетятся, то точно ничего не покупаем. Потому что я ненавижу ремонты... Ну все, нормальный там ракурс?

АНАТОЛИЙ. Да вроде-не вроде нормальный.

ПАВЛИК(коту) Ты попадешь в кошачий рай. К моему Барсику.

АНАТОЛИЙ. Не говори ты про рай. Про кошачий. У них вообще нет рая. Они же не верующие.

ПАВЛИК. Так надо, понял?

АНАТОЛИЙ. Ты только посмотри на Гарика, как он на все спокойно смотрит(коту)
Гарик не знает, что ему сейчас прострелят башку, да, Гарик?

ПАВЛИК. Ты что делаешь? Я же не заплачу тогда тебе денег.

АНАТОЛИЙ. Ну у меня их и так уже достаточно. Вообще в жопу теперь эту
автомойку с ее сезона-несезонами. Мне тут не только на няньку хватит. Мне теперь хватит на
такую няньку, которую еще и трахать можно.

ПАВЛИК. Я еще сверху накину. Только снимай и не мешай.

АНАТОЛИЙ. Да куда уже дальше? И так не честно... все, ракурс самое то. Только
постарайся, чтобы я, пожалуйста, весь в кровищи не был.

ПАВЛИК. Ладно, на счет три... Раз, два., три... Ты попадешь в кошачий рай, к
Барсику.

Но Павлик не может выстрелить. Кот спокоен, как и был.

ПАВЛИК. Я не могу. Он должен меня чем-нибудь разозлить. Разозли меня, Гарик. Ну,
давай. Это же моя слабая черта. Давай, сука, Гарик. Зли, сука!

Кот спокоен.

ПАВЛИК. Да что за херня?

АНАТОЛИЙ. Все, поздно.

ПАВЛИК. Почему поздно?

АНАТОЛИЙ. Потому, что ты его назвал Гариком. Теперь это не просто кот. Это
классный кот Гарик.

ПАВЛИК. Но тогда все теряет смысл.

АНАТОЛИЙ. Какой?

ПАВЛИК. Как какой? Застрелить его кота. Чтобы он, сука, помучился, а потом и его
застрелить. А теперь я не могу...

АНАТОЛИЙ. Ага мы пришли к выводу, что фокус с подушкой и пистолетом нужно
было, все же, провернуть?

ПАВЛИК. Мне легче застрелить того деда с капельницами в ванной, чем Гарика.
Застрелю деда, отпущу Гарика... Нет, Гарика не отпущу. Пусть у меня живет... Только тогда
же мудила этот про все узнает. Хорошо, застрелю Деда, а потому того мудилу. И буду жить с
Олей и Гариком.

АНАТОЛИЙ. А деда зачем тогда при таком раскладе стрелять-не стрелять?

ПАВЛИК. Ну, чтобы мудила отвязался. Сказал отбой своим. А потом, чтобы спать
спокойно по ночам, еще и его застрелить.

АНАТОЛИЙ. А почему все так сложно-то?

Раздается дверной звонок.

Анатолий смотрит на часы.

АНАТОЛИЙ. А не поздно для гостей? Полтретьего ночи? Кто вообще в полтретьего
ночи ходит в гости- не в гости?

ПАВЛИК(отдает свой пистолет). Постой пока тут. И на всякий случай с этим.

Павлик подходит к двери. Смотрит в глазок. Никого не видно.

Тихонько открывает дверь. На пороге Юрьич. Со своим зеленым тигром на поводке. И пистолетом, точно таким же, как и пистолет Егора. Пистолеты направлены друг на друга.

ЮРЬИЧ. Извини, пришлось чуть отклониться в сторону от глазка. Ты парень импульсивный, злишься иногда. Не хотелось, чтобы ты мне злился пулей в глаз... Где мой кот?

ПАВЛИК. А тигр сейчас-то на хрена?

ЮРЬИЧ. Выгуливаю просто. Редкая порода. Не заметил, что ли? Зеленый тигр. Еще и клетку открыл. Ты, правда, думал, что он сбежит? Это же тигр редкой породы. Зеленый, преданный хозяину тигр.

ПАВЛИК. У Зеленых тигров какая-то особая преданная черта?

ЮРЬИЧ. Нет. Просто он зеленый и преданный. И все. Так где кот?

ПАВЛИК. Нет у меня никакого кота.

ЮРЬИЧ. Да кому он кроме тебя еще нужен был? Учитывая сложившуюся ситуацию.

ПАВЛИК. Мне легче деда того с капельницами замочить и жить спокойно.

ЮРЬИЧ. Ну да, рассказывай. Если ты что-то сделал с мой котом. Я..

В комнату входит Анатолий, с котом на руках. Приставив пистолет ко лбу кота.

АНАТОЛИЙ. Оружие бросай.

ЮРЬИЧ. Да ты же пацифист.

АНАТОЛИЙ. Да никакой я не пацифист, я миролюбивый

ЮРЬИЧ. А какая разница?

Анатолий думает. Юрьич стреляет в Анатолия. Одновременно с этим Павлик стреляет в Юрьича. Но попадает почему-то тигру в голову.

Анатолий и Тигр падают.

Юрьич и Павлик опять наставляют друг на друга пистолет.

Кот сидит между ними.

Павлик смотрит на Анатолия.

ЮРЬИЧ. И не думай к нему подходить.

АНАТОЛИЙ. Там, если нормально все пройдет. Там дочка моя. Она дома. На скотче к стене ее примотал. Смотреть же пока некому. Отвяжи, ладно.

Анатолий умирает.

ЮРЬИЧ. На скотче дочку. Серьезно?

ПАВЛИК. Да сам удивлен.

Молчат.

ЮРЬИЧ. Ты на хрена тигра-то застрелил?

ПАВЛИК. Я не в него целился.

ЮРЬИЧ. Не понял.

ПАВЛИК. Да я сам не понял...

ЮРЬИЧ. Стрелять я в него не хотел. Но он угрожал жизни моему коту. Ты бы сам так

поступил.

ПАВЛИК. Да думаю, поступил бы.

ЮРЬИЧ. И так. Мы выстрелили по разу. И оба можно назвать более-менее удачными.

ПАВЛИК. Это трудно назвать удачными.

ЮРЬИЧ. Я имею ввиду, два пистолета с одного места. Одна партия. У них один и тот же брак. Бываю осечки. Но первый выстрел и у тебя и у меня получился. Но дальше-то не понятно. У кого-то выстрелит, а у кого-то нет.

ПАВЛИК. Ты что вообще хочешь?

ЮРЬИЧ. Забрать своего Лимона.

ПАВЛИК. Идиотское имя для кота

ЮРЬИЧ. Мой кот, как хочу, так и называю... Я заберу своего кота. И мы просто с тобой расходимся.

ПАВЛИК. А как же старик? Мне же нужно застрелить его. Или он сам уже умер?

ЮРЬИЧ. Да плевать на старика. Это слишком далеко зашло. Ты в моих животных стреляешь.

ПАВЛИК. Что значит, я стреляю в твоих животных? Напомнить, кто первый начал в головы стрелять четвероногим?

ЮРЬИЧ. Такие правила, извини. Ты же должен понимать, я серьезен.

ПАВЛИК. Да я давно понял, что ты серьезен.

ЮРЬИЧ. Я тоже понял, что ты понял. Но так получилось. Вообще конечно я не рассчитывал на такое. Как вообще можно рассчитать что-либо, если есть такой, как ты. Ты же не контролируешь себя, когда злишься. И все запарываешь... Я забираю кота, ухожу... Тигра можешь себе оставить. Хоть и редкое животное, но так, как Лимона я его не любил.

ПАВЛИК. А мои родители? Ты же обещал им отстрелить башку.

ЮРЬИЧ. Ты же видел своих родителей. Им плевать на то, что я им отстрелю башку. И тебе тоже. Так что это не сработает. Тем более, они через три дома от меня живут. Они же мои соседи. Я на их и твоём тоже пони не раз катался.

ПАВЛИК. Так я тебе и поверил.

ЮРЬИЧ. А что тебе остается? Так что я забираю кота. Ухожу. Никакого старика. Вообще ничего. Живи счастливо.

Юрьич делает было шаг вперед. Но Павлик его останавливает.

ПАВЛИК. Не советую двигаться.

ЮРЬИЧ. К своему коту?

ПАВЛИК. Тебе напомнить что ты моему отстрелил башку?

ЮРЬИЧ. Хочешь, все-таки, моему отстрелить башку тоже? Ты же тигра моего завалил.

ПАВЛИК. А ты пони. И пони я любил сильнее, чем ты своего тигра.

ЮРЬИЧ. Да, но мой дороже. Он же зеленый.

ПАВЛИК. Да плевать, что твой дороже... Я привык к твоему коту и назвал его Гарик.

ЮРЬИЧ. Гарик? Это же идиотское имя.

ПАВЛИК. Более идиотское, чем Лимон?

ЮРЬИЧ. И что ты предлагаешь?

ПАВЛИК. Он, как раз стоит нормально. По середине. Давай его звать к кому подойдет, того и кот.

ЮРЬИЧ. То есть, если он к тебе подойдет, я его у тебя оставлю? Успокоюсь и не буду никому бошки отстреливать?

ПАВЛИК. Ты же из старой школы. Человек принципов. Да, именно так.

ЮРЬИЧ. Ну ладно... хоть и похоже на детский сад... Кода начнем?

ПАВЛИК. Давай на счет три.

ЮРЬИЧ. Давай... раз.. два.. три.

ПАВЛИК. Гарик!Гарик!Гарик!

ЮРЬИЧ. Лимон, лимон, лимон!

Ничего не помогает. Кот как сидел, так и сидит.

ЮРЬИЧ. И что теперь будем делать? Постреляем друг в друга?

ПАВЛИК. Наверное.

ЮРЬИЧ. А вот ты уверен, что у тебя не будет осечки?

ПАВЛИК. А ты уверен?

ЮРЬИЧ. Ладно, тогда просто ждем, когда появится Оля?

ПАВЛИК. Она не появится

ЮРЬИЧ. Еще как появится. С минуты на минуту. Ребята мне отзванивались. Говорит, едет домой. Зайдет скоро. И скажет свое любимое, я же твоя женщина. Должна тебе принадлежать. И пусть мне он отстреливает башку... И уж ей-то я отстрелю. Потому что она не твои родители. На которых тебе насрать.

ПАВЛИК. Она обещала уехать и не приехать.

ЮРЬИЧ. Она твоя женщина. Бесплезно выпроваживать свою женщину, если она не хочет.

ПАВЛИК. Ну тогда я тебе отстрелю башку, когда ты ей отстрелишь.

ЮРЬИЧ. Очень сомневаюсь. Ты же будешь злиться. А когда ты злишься, ты постоянно косячишь.

Павлик долго молчит. Смотрит на Тигра, а потом преобразается. Будто выкинув что-то из себя.

ПАВЛИК. Да нет, не буду я злиться.

ЮРЬИЧ. Это еще почему? Всегда же злился.

ПАВЛИК. Ты знаешь, что символизирует в китайской мифологии тигр?

ЮРЬИЧ. Да откуда я знаю про китайскую мифологию? Я же из старой школы.

Становится темно. Потом слышно как один из пистолетов дает осечку. А вот другой стреляет раз за разом. Пока не заканчивается обойма.

Конец